

МОСКОВСКІЯ

ЦЕРКОВНЫЯ ВѢДОМОСТИ

ЕЖЕНЕДЕЛЬНАЯ ГАЗЕТА,

ИЗДАНИЕ ОБЩЕСТВА ЛЮБИТЕЛЕЙ ДУХОВНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА: безъ доставки на годъ 3 р. 50 к., на полгода 2 р., на 3 мѣсяца 1 р., на 1 мѣсяць 40 коп., съ доставкой и пересылкой на годъ 4 р., 50 к., на полгода 2 р., 50 к., на 3 мѣс. 1 р. 30 к., на 1 мѣс. 50 коп. ОТДѢЛЬНЫЕ №№ по 10 копѣекъ.

№ 21.

19-го МАЯ.
1885-го ГОДА

АДРЕСЪ РЕДАКЦІИ: Донская улица, домъ Ризположенской церкви, квартира протоіерея Виктора Петровича Рождественскаго.

ОБЪЯВЛЕНІЯ ПРИНИМАЮТСЯ за строку, или мѣста строки за одинъ р. 10 к., за 2 раза 18 к., за 3 раза 24 к.

СОДЕРЖАНІЕ: Москва, 19 мая. Московская хроника. Слово въ день священнаго коронованія Благочестивѣйшаго Государя Императора, Александра Александровича и Благочестивѣйшей Государыни Императрицы, Маріи Феодоровны, произнесенное въ Большомъ Успенскомъ соборѣ, 15 мая 1885 г. Внутреннія извѣстія. Мисіонерскій отдѣлъ. Письма съ Алтая, VII и VIII. Извѣстія и замѣтки. Отвѣтъ на библиографическую замѣтку въ 12 № „Моск. Церк. Вѣдомостей“. По поводу отвѣта іеромонаха Іоакима на библиографическую замѣтку въ 12 № „Моск. Церк. Вѣд.“.

МОСКВА, 19 МАЯ.

За послѣднее время въ русской общественной жизни весьма ощутительно повѣялъ духъ обновленія. Печальныя событія и нестроенія недавняго прошлаго сдѣлали для всѣхъ очевиднымъ, что общественная мысль разшатана, что повсюду царить какая-то двойственность сознанія и безпринципность, уживающаяся рядомъ съ показною благовидностію. Всѣ сознали нужду возстановить нарушенное равновѣсіе, и замѣнить гнетущую раздвоенность мысли и жизни единствомъ руководящаго начала. Какъ всегда бываетъ въ такихъ случаяхъ, взоры всѣхъ обратились къ неоскудѣвающему источнику обновляющей силы—вѣрѣ. Ближайшая задача свелась, такимъ образомъ, къ тому, что-бы жизненныя начала православія провести во всеобщее сознаніе и сдѣлать руководительными нормами. Понятно и естественно, что главнымъ предметомъ заботливости сдѣлалось подрастающее поколѣніе—дѣти, и ихъ воспитаніе въ школѣ сдѣлалось и доселѣ служить злобою дня. Нужно сроднить школу съ церковью и неветшающимъ началомъ церковности, возродить признанное не вполне надежнымъ начало новѣйшей педагогики—вотъ къ чему сводятся *ria desideria* благомыслящихъ людей нашего времени.

Но—замѣчательное дѣло—вопросъ о школѣ, составляющій теперь злобу дня, какъ-будто вполне исчерпывается вопросомъ о школѣ *сельской*! При множествѣ разнорѣчивыхъ и даже противоположныхъ толковъ объ этой послѣдней, буквально наводнявшихъ печать послѣдняго времени, вопросъ о другихъ школахъ почти совсѣмъ и не затрогивался. Почему это? Или только въ сельскихъ школахъ ощутительно сказались вредныя послѣдствія разъединенія педагогики и церковнаго начала? Или сферою благотворнаго дѣйствія церковнаго

начала признается только сельская школа, а въ другихъ школахъ считается нормальнымъ прежнее отношеніе къ дѣлу? Какъ бы то ни было, но фактъ остается фактомъ, и тѣмъ замѣтнѣе и рѣзче выдѣляется голосъ, затрогивающій обойденный и какъ-бы забытый вопросъ. Разумѣемъ напечатанныя въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ“ мысли объ этомъ предметѣ г. Горбова (въ статьѣ: „церковно-славянскій языкъ въ народной школѣ и гимназіи“). Со всею искренностію и горячію убѣжденіемъ авторъ доказываетъ необходимость сроднять дѣтей съ духомъ и строимъ церковной жизни, средствомъ для чего, по мысли автора, служить церковно-славянскій языкъ. Прежде всего вниманіе г. Горбова привлекаетъ народная школа. Онъ констатируетъ фактъ, что теперь все болѣе и болѣе распространяется убѣжденіе въ необходимости дать церковно-славянскому языку „одно изъ главныхъ мѣстъ“ въ народной школѣ. „Но на этомъ новомъ пути, говоритъ далѣе авторъ, сдѣланы пока лишь первые шаги. Не могутъ еще рѣшить, по какой книгѣ слѣдуетъ обучать церковно-славянскому языку. Одни рекомендуютъ Евангеліе, другіе составляютъ особые учебники и т. д.; еще мало кто рѣшается прямо обратиться къ Часослову и Псалтири“. Это отсутствіе единогласія, по мысли автора, объясняется тѣмъ, что школа стоитъ подъ двоякимъ вліяніемъ, изъ коихъ одно идетъ сверху, а другое снизу—отъ самаго народа, какъ выраженіе его нуждъ и желаній. На сколько жизнь сильнѣе теорій, на столько же вытекающее изъ условій жизни желаніе самого народа должно быть для насъ обязательнѣе всякихъ нашихъ теорій. А это народное желаніе, уже заставившее насъ перемѣнить свой взглядъ на обученіе въ школѣ церковно-славянскому языку, заставить насъ прямо и откровенно дать и ученикамъ народной школы въ руки Часословъ и Псалтырь. „Это не будетъ

нововведеніемъ, это будетъ лишь возвращеніемъ къ старинѣ, которую весь народъ оплакивалъ во время недавнихъ гоненій на нее“. Отъ народной школы авторъ переходитъ къ нашимъ средне-учебнымъ заведеніямъ. Въ нашихъ гимназіяхъ преподаютъ церковно-славянскій языкъ; но на него смотрятъ какъ на языкъ мертвый и употребляютъ его только для объясненія историческимъ путемъ нѣкоторыхъ правилъ русской грамматики. А между тѣмъ этотъ языкъ достоинъ лучшей участи. „Какъ языкъ церковный, онъ живетъ, полною жизнью. Милліоны людей повседневно слышатъ и выражаютъ на немъ свои самыя дорогія мысли и чувства“. обстоятельное знакомство съ этимъ языкомъ необходимо для всякаго, кто желаетъ принимать сознательное участіе въ непрерывной жизни церковной, выражающейся въ церковномъ Богослуженіи. А между тѣмъ мы не католики и не протестанты, чтобы намъ оставаться равнодушными къ православно-церковному Богослуженію—этому совершеннѣйшему выраженію „той жизни въ церкви и съ церковію, которую долженъ жить православный человѣкъ. Ввести въ разумніе Богослуженія можетъ только изученіе церковно-богослужебныхъ книгъ. Но этимъ не ограничивается ихъ значеніе. Священное Писаніе не даетъ намъ вполнѣ ни знанія Св. исторіи, ни знанія догматовъ. Его содержаніе частью дополняется, частью развивается въ преданіи, въ постановленіяхъ соборовъ, въ твореніяхъ отцевъ церкви. Вотъ эти-то разъясненія и дополненія и собраны церковію въ Богослуженіи, для наученія всѣхъ вѣрующихъ. Достаточно упомянуть о канонахъ и синаксаріяхъ“. Въ виду всего этого, г. Горбовъ настоятельно высказываетъ желаніе, чтобы и въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ введено было изученіе церковно-богослужебныхъ книгъ. „Религіозное воспитаніе, говоритъ онъ, поставлено въ нашихъ средне-учебныхъ заведеніяхъ въ оскорбительно-второстепенное положеніе, чтобы не сказать, что оно въ нихъ совершенно отсутствуетъ. Одними уроками священной исторіи и катехизиса ограничиться нельзя; они доведутъ ученика до знанія фактовъ и догматовъ, но не откроютъ имъ смысла и теченія религіозной жизни. Чтобы поправить дѣло, надо необходимо и вслѣдствіе надо расширить обученіе церковно-славянскому языку; доселѣ онъ преподавался въ гимназіяхъ лишь какъ языкъ славянскій, надо преподавать его и какъ языкъ церковный, въ связи съ изученіемъ Богослужебныхъ книгъ, — словомъ надо ввести въ гимназіи *Часословъ* и *Псалтирь*“. Авторъ предвидитъ, что эта мѣра можетъ показаться неудобною въ примѣненіи къ средне-учебнымъ заведеніямъ; соглашается, что гимназисты относятся къ церковно-богослужебнымъ книгамъ не съ такимъ благоговѣніемъ, какъ ученики народныхъ школъ. Но это, по его словамъ, „не только не освобождаетъ средне-учебныя заведенія отъ обязанности заботиться о религіозномъ воспитаніи своихъ питомцевъ, но, наоборотъ, дѣлаетъ ее еще болѣе важною“. Далѣе, по мысли автора, необходимо изучать *Часословъ* и *Псалтирь*, равно какъ и другія богослужебныя книги не въ хрестоматіяхъ, и не въ отрывкахъ, а въ полномъ составѣ; такъ какъ только въ такомъ случаѣ можно узнать ихъ съ необходимою основатель-

ностію, а также и свыкнуться со всѣми ихъ техническими и условными подробностями. „Не будемъ же бояться, восклицаетъ авторъ: посадимъ гимназистовъ прямо за *Часословъ* и *Псалтирь*, въ кожаныхъ переплетахъ, съ красными застѣжками! А тамъ, съ Божіею помощію, они познакомятся и со *служебникомъ*, и съ *миняями*, и съ *триодями*“. Высказавъ съ такою рѣшительностію свое желаніе, г. Горбовъ отстраняетъ еще одно возраженіе, — именно, что, при такой постановкѣ дѣла, не останется будто-бы времени для изученія Евангелія. По мысли г. Горбова, Евангеліе „гораздо безопаснѣе“ изъять изъ класснаго употребленія въ средне-учебныхъ заведеніяхъ. „Лишь протестантство ввело Евангеліе (точнѣе—*Новый заветъ*) въ домашній, такъ сказать, обиходъ, дало его въ безотчетное распоряженіе каждому человѣку“; между тѣмъ какъ, по разуму православной церкви, „Евангеліе болѣе, чѣмъ какую либо иную изъ священныхъ книгъ слѣдуетъ читать съ величайшею осторожностію“. За послѣднее двадцатипятилѣтіе, благодаря дѣятельности Библейскаго Общества, въ народѣ и въ обществѣ появилось много экземпляровъ *Новаго завета* (съ неслужебною псалтирью и безъ указателя чтеній) и результаты оказались неутѣшительныя, что особенно видно на народной школѣ. Въ *земской* народной школѣ замѣнили Псалтирь и Часословъ Евангеліемъ и, такимъ образомъ, ослабили жизненную связь учениковъ съ церковію, лишивъ ихъ ея непосредственнаго руководства. Правда, церковъ не запрещаетъ и даже рекомендуетъ домашнее чтеніе *Евангелія*; но она требуетъ, чтобы настроеніе читателя соотвѣтствовало читаемому и чтобы никто не позволялъ себѣ произвольныхъ толкованій. „Поэтому, говоритъ г. Горбовъ, мы рѣшимся даже сказать, что и въ народную школу, при непримѣнномъ усилии изученія *Часослова* и *Псалтири*, Евангеліе можетъ быть смѣло допущено, конечно, лишь съ необходимѣйшими толкованіями“. Не то въ средне-учебныхъ заведеніяхъ. Гимназисты узнаютъ содержаніе Евангелія на урокахъ Закона Божія (и при томъ даже въ подлинныхъ словахъ). Слѣдовательно, если изъять употребленіе Евангелія, упущенія не произойдетъ. „А между тѣмъ соблазна, хотя бы только небрежнаго отношенія къ книгѣ, у учениковъ не будетъ. Въ этомъ случаѣ можно сказать: „выростутъ, прочтутъ“. Мы же постараемся только о томъ, чтобы душа ихъ возжаждала такого чтенія, „была къ нему приготовлена“.

Едва-ли можно спорить противъ основной мысли автора, что школа должна открывать питомцамъ смыслъ и теченіе православно-церковной религіозной жизни. Въ этомъ, какъ мы и выше говорили, ручательство благотворнаго вліянія школы на питомцевъ. Нельзя отвергать и того, что обстоятельное изученіе богослужебныхъ книгъ поможетъ дѣтямъ отнестись сознательно—разумно къ церковному Богослуженію и, такимъ образомъ, дастъ имъ возможность приобщиться церковной жизни. Нѣтъ также основаній не соглашаться съ тою мыслию, что изученіе церковно-богослужебныхъ книгъ можетъ и должно быть положено въ основу обученія въ народныхъ школахъ, куда дѣти приносятъ изъ своихъ семействъ благоговѣніе и любовь къ цер-

ковно-богослужебнымъ книгамъ, какъ и вообще ко всему церковному. Совершенно вѣрно и то, что давать Евангеліе безъ толкованій не всегда безопасно и на страницахъ „Московскихъ Церковныхъ Вѣдомостей“ не разъ было указываемо на необходимость общедоступныхъ толкованій, какъ на противодѣйствіе превратному и произвольному пониманію буквы Св. Писанія. Но позволительно усумниться въ возможности осуществить такъ настойчиво высказанное г. Горбовымъ желаніе посадить гимназистовъ за изученіе Часослова и Псалтири, равно какъ и другихъ богослужебныхъ книгъ. Позволительно, говоримъ усумниться въ возможности осуществить этотъ проектъ, хотя и признаемъ глубоко—истинною мысль, его вызывающую. (Разумѣемъ мысль о томъ, что и гимназистовъ, какъ и всякихъ другихъ школьниковъ, нужно заставить узнать и полюбить церковь). Дѣло въ томъ, что, если гимназисты приносятъ съ собою въ школу не любовь и не расположеніе ко всему церковному и въ частности къ церковно богослужебнымъ книгамъ; то едва-ли удастся пріохотить ихъ къ чтенію и изученію этихъ книгъ. Нелегкое и даже, можно сказать, чрезвычайно трудное само по себѣ, дѣло изученія этихъ книгъ къ тому-же будетъ постоянно тормозиться гнетущимъ сознаниемъ, что знакомство съ этими книгами нужно только въ школѣ; что, по выходѣ изъ школы, оно не только не нужно, но даже въ нѣкоторой степени предосудительно, при современномъ отношеніи свѣтской интеллигенціи ко всему церковному: страннымъ также кажется, почему, *ceteris paribus*, г. Горбовъ, соглашаясь допустить употребленіе Евангелія въ школѣ народной (хотя-бы и съ толкованіями), не рѣшается согласиться на допущеніе Евангелія въ средне-учебныхъ заведеніяхъ. Не проводится-ли здѣсь порубежная грань между народною школою и гимназіями, между крестьянскими дѣтьми и дѣтьми болѣе или менѣе образованныхъ классовъ общества, уже слишкомъ далеко? И такъ, говоримъ, не во всемъ можно согласиться съ г. Горбовымъ и именно потому, что не всегда удобно и полезно, какъ говорятъ, идти на проломъ. А въ проектахъ г. Горбова мы именно и слышимъ приглашеніе пойти на проломъ. Въ проведеніи новыхъ началъ нужна постепенность—это азбучная истина. Тѣмъ болѣе нужно быть постепеннымъ въ проведеніи новыхъ педагогическихъ принциповъ. Конечно, обстоятельное знакомство съ церковно-богослужебными книгами дѣло хорошее; но вѣдь это не единственное средство уразумѣть церковную жизнь. Отчасти та же цѣль можетъ достигаться осмысленнымъ изученіемъ Богослуженія, участіемъ въ церковномъ пѣніи и чтеніи и т. д. Когда въ обществѣ измѣнится взглядъ на церковь, ея уставы и жизнь; тогда можно быть болѣе рѣшительнымъ и въ проведеніи начала церковности въ педагогію. А пока прибѣгать къ крутымъ мѣрамъ представляется не безопаснымъ.

Какъ-бы то ни было, важно уже то, что изъ среды „свѣтскихъ“ лицъ находятся люди, которые такъ смѣло и рѣшительно ставятъ современному обществу задачу утвердить основы жизни школы въ жизни церкви. Искренность тона, глубокое пониманіе сути православно-церковной жизни, горячность убѣжденія—эти и другія

свойства статьи г. Горбова, во всякомъ случаѣ заставляютъ отнестись къ мыслямъ почтеннаго автора съ сочувствіемъ и серьезностію. Какъ всякая свѣжая мысль, мысль высказанная г. Горбовымъ, развита не безъ увлеченій и не безъ крайностей. Но основа ея отъ этого не теряетъ. Нужно только пожелать, чтобы самъ авторъ или кто другой поработалъ надъ установкою болѣе надежнаго пути къ осуществленію основной мысли. Строй жизни нашихъ средне-учебныхъ заведеній долженъ быть болѣе, чѣмъ теперь, проникнутъ началами церковности. Но какъ этого достигнуть?—Вотъ вопросъ, надъ которымъ еще слѣдуетъ поработать.

МОСКОВСКАЯ ХРОНИКА.

Прибытіе въ Москву Его Высокопреосвященства, Высокопреосвященнѣйшаго Іоанникія, Митрополита Московскаго и Коломенскаго и его служенія. Пятидесятилѣтній юбилей Донскаго духовнаго училища. Открытіе ремесленной выставки.

— 11 мая, Высокопреосвященнѣйшій Іоанникій, митрополитъ Московскій и Коломенскій, въ 10 часовъ утра съ почтовымъ поѣздомъ Николаевской желѣзной дороги прибылъ въ Москву. Въ тотъ же день, въ 4 часа дня, Высокопреосвященнѣйшій Владыка выѣхалъ изъ Москвы по Московско-Ярославской желѣзной дорогѣ въ Троице-Сергіеву Лавру для совершенія Богослуженія въ храмовой праздникъ Св. Троицы въ Троицкомъ Лаврскомъ соборѣ. Въ половинѣ седьмого часа вечера Владыка митрополитъ прибылъ въ Лавру къ началу всенощнаго бдѣнія, которое и совершено имъ соборнѣ. 12 мая въ Троицкомъ соборѣ Божественная литургія выѣтъ съ вечернею была совершена торжественнымъ соборнымъ служеніемъ Высокопреосвященнѣйшимъ Іоанникіемъ, митрополитомъ Московскимъ. 13 мая въ половинѣ втораго часа дня Владыка изволилъ отбыть въ Москву. 15 мая, въ годовщину Священнаго Коронованія Ихъ Императорскихъ Величествъ, въ Успенскомъ соборѣ Божественную литургію и молебствіе совершилъ Высокопреосвященнѣйшій Іоанникій, митрополитъ Московскій и Коломенскій, со старшаимъ духовенствомъ.

— 13 мая, Донское духовное училище торжественно праздновало пятидесятую годовщину своего существованія. Божественную литургію по этому случаю въ соборной церкви монастыря совершалъ преосвященный Іаковъ, завѣдующій монастыремъ, въ сослуженіи съ настоятелемъ Спасо-Андроніева монастыря, отцомъ архимандритомъ Григоріемъ, мѣстнымъ намѣстникомъ, членомъ правленія Донскаго училища, протоіереемъ А. С. Ильинскимъ и очередными іеромонахами монастыря. Во время причащенія священнослужителей сказалъ слово преподаватель училища г. Протопоповъ. По окончаніи литургіи, преосвященнымъ Іаковомъ, въ сослуженіи многихъ прибывшихъ протоіереевъ и іереевъ, бывшихъ учениковъ Донскаго училища, былъ отслуженъ благодарственный молебенъ съ многолѣтнемъ Царствующему Дому, Святѣйшему Синоду, Высокопреосвященнѣйшему Іоанникію, митрополиту московскому, преосвященнымъ Алексію, Мисаилу и Іакову, начальствующимъ, учащимъ и учащимся. Послѣ литургіи торжество продолжалось въ одной изъ комнатъ училища. Началось оно по входѣ преосвященныхъ Іакова и Мисаила, пѣніемъ тропаря празднику: *Днесь благодать Святаго Духа насъ собра...* Затѣмъ взошелъ на кафедру смотритель училища В. И. Аничковъ и прочелъ отчетъ о пятидесятилѣтнемъ су-

ществованіи училища, о его средствахъ, преподаваніи, наставникахъ и т. п. Между прочимъ было упомянуто, что главными покровителями и благотворителями училища являются братство Чудотворца Николая, пожертвовавшее за послѣднія двадцать лѣтъ на нужды училища и учениковъ болѣе 54,000 рублей, и почетный блюститель училища г. Коншинъ. Чтеніе отчета г. Анничковъ закончилъ желаніемъ училищу дальнѣйшаго преуспѣванія и выраженіемъ благодарности его благотворителямъ, послѣ чего хоромъ были пропѣты *многая мѣта* и концертъ.

Потомъ хоромъ воспитанниковъ былъ пропѣтъ псаломъ: «Благослови душе моя Господа», сочин. Феодана, бывшаго архимандрита Донскаго монастыря. По пропѣтіи псалма произнесъ привѣтствіе ученикъ IV класса П. Крыловъ, а стихотвореніе ученикъ III класса С. Тольскій. Затѣмъ былъ пропѣтъ учениками гимнъ свв. Кириллу и Меодію, соч. Чайковского. Въ заключеніе учителемъ Г. Сергіевскимъ было прочитано опредѣленіе Правленія училища о выдачѣ всѣмъ ученикамъ на память о юбилеѣ книгъ Новаго Завѣта на славянскомъ языкѣ, которыя и были розданы преосвященными Мисаиломъ и Іаковомъ. Актъ заключенъ былъ пѣніемъ молитвословій: «Радуйся Царице»... «Буди имя Господне»... и народнымъ гимномъ.

Послѣ акта присутствовавшимъ была предложена трапеза въ зданіи училища.

— 16 мая состоялось торжество открытія Московской Ремесленной Выставки, устроенной въ ознаменованіе столѣтняго юбилея со дня дарованія 21 апрѣля 1785 года Императрицей Еваторной II, ремесленникамъ сословныхъ преимуществъ. Выставка помѣщается за Тверской заставой, на Ходынскомъ полѣ. Въ 12-мъ часу дня были привезены Чудотворныя иконы Спасителя, Иверской Божіей матери и Святителя Николая. Отслужена была панихида по Императрицѣ Екатеринѣ II и Императорѣ Петрѣ I. Затѣмъ слѣдовало молебствіе. Панихиду и молебствіе совершалъ преосвященный Мисаилъ въ сослуженіи съ архимандритомъ Данилова монастыря, Амфилохіемъ, Срѣтенскаго монастыря Серафимомъ и нѣсколькими священниками. Въ концѣ молебствія была сказана приличествующая случаю рѣчь протоіереемъ Благовѣщенской, на Тверской церкви, о. Свѣтовидовымъ-Платоновымъ. Затѣмъ преосвященный Мисаилъ обропилъ святою водою сѣнь и обошелъ всю выставку, окропляя и выставленные предметы и экспоненты.

СЛОВО ВЪ ДЕНЬ СВЯЩЕННАГО КОРОНОВАНІЯ БЛАГОЧЕСТИВѢЙШАГО ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА АЛЕКСАНДРА АЛЕКСАНДРОВИЧА И БЛАГОЧЕСТИВѢЙШЕЙ ГОСУДАРЫНИ ИМПЕРАТРИЦЫ МАРИИ ФЕОДОРОВНЫ (15 мая 1885 г.).¹⁾

Господи спаси Царя, и услыши ны, въ оны же аще день призовемъ Тя (Пс. 19, 10).

Въ нынѣшній высокаторжественный день священнаго муропомазанія и коронованія Благочестивѣйшаго Государя Императора и Благочестивѣйшей Государыни Императрицы ничего не можетъ быть приличнѣе и потребнѣе со стороны насъ, вѣрноподанныхъ, какъ наша общая, усердная молитва о Царѣ своемъ. Настоящій день-самый священный для Царя, весьма знаменательный для Его вѣрноподанныхъ и особенно

достопамятенъ для царелюбной Москвы. Здѣсь, въ древнемъ храмѣ Матери Божіей Благочестивѣйшей Государь отъ престола божественнаго въ святомъ муропомазаніи принялъ освященіе своихъ царственныхъ правъ; здѣсь, предъ лицомъ Господа и собравшагося во кругъ него вѣрнаго Ему народа, возложивши на главу свою царскій вѣнецъ отъ камене честна, принялъ на себя тяжелое бремя самоотверженнаго правленія со всѣми разнообразными требованіями, и далъ обѣтъ всецѣло посвятить себя на служеніе спокойствію, благоденствію и счастью своего народа; здѣсь, и именно въ нынѣшній день, предъ лицомъ Господа Онъ вошелъ въ самое тѣсное благодатное общеніе съ своимъ народомъ и является въ глазахъ его, какъ первый и старшій Труженникъ въ устроеніи блага народнаго и какъ Отецъ среди своей обширной семьи, какъ правящая глава своего многомилліоннаго народа. Поэтому-то и нѣтъ ничего сообразнѣе въ нынѣшній день и соответственнѣе потребности нашего сознанія, какъ наше молитвенное обращеніе ко Господу о Царѣ своемъ и завѣщанное древностію воззваніе: «Господи спаси Царя, и услыши ны». А сознаніе каждаго изъ насъ подсказываетъ, что эта молитва не только богоугодна, но и многоплодна, потому, что, молясь о Царѣ своемъ, по нашей нравственной тѣсной связи съ нимъ, мы молимся о самихъ себѣ, о своемъ благоденствіи и спокойствіи, подъ управленіемъ Его. Эту мысль ясно выражаетъ св. апостоль Павелъ: «*молю прежде всего творити молитвы, моленія, прошенія, благодаренія, за вся челоуки: за Царя и за всехъ, иже во власти суть, да тихое и безмолвное житіе поживемъ во всякомъ благочестіи и чистотѣ: Сіе добро и пріятно предъ Спасителемъ нашимъ Богомъ*» (1 тим. 2, 1—3). Развѣ скептикъ, ни во что невѣрующій, можетъ допускать сомнѣніе въ этой тѣсной связи Царя съ народомъ,—развѣ врагъ народа можетъ отрицать ее. Счастіе и спокойствіе народа въ счастіи и спокойствіи Царя, и обратно,—это истина священная, неопровержимая, ясно проходящая чрезъ всю нашу русскую исторію.

Въ чемъ же выражается эта тѣсная связь и молитвенное единеніе народа и Царя?

а) въ томъ, что единодержавная царская власть есть *надежная и твердая опора* спокойствія и благоденствія народнаго. Исторія постепеннаго роста нашего отечества служитъ наилучшимъ доказательствомъ этого. Подъ этой властію собиралась, и объединялась и постепенно укрѣплялась наша русская земля, подъ ея покровомъ поднимаясь нравственно и матеріально, она разрасталась и пространственно — въ длину и ширину, и теперь представляетъ на нашихъ глазахъ такое обширное и могущественное государство, что къ его голосу внимательно прислушивается и передовою западъ, къ ней льнетъ всѣми симпатіями угнетенный славянинъ, его силу чувствуетъ и полудикій азіатецъ.

Власть царя самодержавнаго, обнимая своими заботами и любовію всѣхъ своихъ подданныхъ, какъ равноправныхъ предъ закономъ, какъ необходимыхъ членовъ общаго организма, даетъ имъ всѣмъ сообразное направленіе, объединяетъ и примиряетъ въ общемъ благоустроеніи, предохраняя однихъ отъ другихъ и тѣмъ направляя общее дѣло. Отъ нея, какъ лучи отъ солнца, исходятъ всѣ благотворныя начинанія и полезныя распоряженія, и къ ней, какъ радіусы къ центру, возвращаются всѣ благія желанія и стремленія народныя, ею же уравниваются, объединяются и обращаются на благо общее и всѣ частныя желанія. Не будь этой сильной влас-

¹⁾ Произнесено въ Храмѣ Христа Спасителя.

ти,—кто въ силахъ объединить разнообразіе личныхъ желаній и интересовъ, кто въ силахъ остановить развитіе страстей, безконечныхъ раздоровъ и дерзкихъ притязаній?—Благодареніе Господу, даровавшему намъ въ лицѣ Избранника и Помазанника Божія это величайшее благо! И дѣйствительно, что можетъ быть благодѣяніемъ для насъ, когда въ основаніи нашей жизни общественной, какъ солнце во вселенной, стоитъ Царь—образъ Царя небеснаго, дышашій одной любовью къ народу, однимъ желаніемъ ему добра, всецѣло обрешій себя на служеніе ему, и невидимо умудряемый въ управленіи самимъ Богомъ,—когда наши отношенія къ нему построены не на минутномъ увлеченіи, не на ежедневныхъ интересахъ, но на хранимомъ святоотеческомъ преданіи, на твердой и всегдашней любви къ Царю и въ лицѣ его на глубокомъ благоговѣніи къ Царю царствующимъ и Господу господствующимъ!

Руководимая невидимою силою божественною, царская власть содѣйствуетъ развитію народному, указывая къ тому всѣ средства и предотвращаетъ всѣ препятствія, уравнивая, такъ сказать, всѣ необходимые пути къ тому. Подъ ея направлениемъ, по слову пророка, *всякій домъ исполняется, всякая гора и холмъ унижаются, кривизны выпрямляются и неровные пути дѣлаются гладкими* (Ис. 40. 45). Тутъ каждый служить другъ другу тѣмъ даромъ, какой получилъ, какъ добрые домостроители различной благодати Божіей (Тим. 4, 10). Подъ ея защитой служители олтара Господня спокойно и безбоязненно совершаютъ свое дѣло, на которое призваны, благовѣствуя слово правды и истины, указываютъ вѣрующимъ пути нравственнаго исправленія, содѣйствуя чрезъ то и матеріальному подъему, несутъ божественное утѣшеніе и несчастному и больному, и идутъ съ благодатными дарами въ дома и семейства христіанскія, всюду разливая однажды излитую со креста Христова благодать любви божественной, въ тоже время сами стараются держаться *образца здраваго ученія и хранить добрый залогъ Духомъ святымъ, живущимъ въ нихъ* (2 Тим. 1, 13 14) *и укрѣпляться въ благодати Христовой* (—2, 1). Мужи наукъ спокойно отдаются своимъ умозрѣніямъ и изысканіямъ истины и углубляются въ свои изслѣдованія на пользу и благо общественное, вполне увѣренные, что никто и ничто не будетъ препятствовать имъ въ ихъ занятіяхъ, и все, чтобы могло тормозить ихъ дѣло, будетъ остановлено мощнымъ словомъ царской власти. Любители просвѣщенія безъ опасенія могутъ отдаваться своимъ любимымъ занятіямъ, увѣренные, что всѣ пути къ увлеченію въ дурную сторону преграждены, предотвращены и охраняются твердо и прочно. Представители искусствъ и промышленности спокойно выходятъ на дѣло свое и дѣланіе; они вѣрятъ, что надъ нами бдитъ око царево, что они ограждены отъ всѣхъ препятствій и нарушеній. Вотъ какое величайшее благо—въ тѣсномъ единеніи народа съ Царемъ, какъ главой. Все движется по мудрому манію Его, все направляется къ благу и счастью народному. А какой великій государственный актъ со стороны нашего народолюбиваго Монарха—возстановленіе церковно-приходскихъ школъ всенароднаго образованія! Какъ глубоко понято и принято Имъ къ сердцу желаніе народа, ищущаго образованія церковно-религіознаго! Мы не беремъ на себя слово суда о существующемъ образованіи, это—дѣло исторіи, но мы не можемъ не сказать слова глубокой благодарности къ нашему возлюбленному Царю, внявшему гласу

народному, какъ гласу Божію, и снисшедшему къ его благимъ желаніямъ. Да! этотъ актъ воли Царевой—актъ перво-степенной важности, съ которымъ тѣсно вяжется будущее народа. Не въ правѣ ли мы послѣ этого сказать, что въ сердцѣ Царя—наши сердца, въ нашихъ сердцахъ—Его сердце, и мы составляемъ съ Нимъ единое?! Не очевидная ли та истина, что мы, молясь о Царѣ, молимся о самихъ себѣ, да *«тихое и безмолвное житіе поживемъ во всякомъ благочестіи и чистотѣ»*?!... *«Укрѣпи, Боже, еже содѣлалъ еси въ насъ. Дни на дни Царевы приложити и мѣта Его до дне рода и рода»* (Псал. 60, 7—67, 29). Всѣмъ же дерзкимъ разъединителямъ народа съ Царемъ, унижающимъ и извращающимъ значеніе царской власти въ глазахъ народа, отвѣтимъ словами божественными: *«горе мечтателямъ, которые отвергаютъ начальство и злословятъ высокія власти; они идутъ путемъ Каиновымъ, предаются обольщенію мзды, какъ Балаамъ, и въ упорствѣ похибаютъ, какъ Корей»* (Луд. 8. 11).

б) Самодержавная царская власть есть истинная и вѣрная охрана народная отъ враговъ внутреннихъ и вѣншихъ.

Въ наше грѣховное время, при сильно-развитомъ самолюбіи, мало ли можетъ быть въ жизни разныхъ несправедливостей, обидъ, притѣсненій, проявленія личныхъ страстей и столкновенія интересовъ! Остановить это нестроеніе въ силахъ только царская власть, какъ верховная охранительница правъ частныхъ и какъ высшая представительница общественной законной правды, какъ говорить и св. Апостолъ: *«Царь есть Божій слуга тебѣ на добро... отмстителъ въ наказаніе дѣлающему зло; онъ не напрасно носитъ мечъ»* (Рим. 13, 4). И въ самомъ дѣлѣ, кто защититъ бѣднаго отъ грубаго богача? Кто освободитъ притѣсняемаго отъ притѣснителя?—невинно-обвиняемаго отъ несправедливаго судія? Кто оградитъ вѣрность и честность въ промышленныхъ предпріятіяхъ, иногда ованчивающихся зловредными крушеніями?—Только властное слово Царя, власть и сердце котораго въ руцѣ Божіей, какъ главнаго въ средѣ своихъ подданныхъ исполнителя воли Божіей и охранителя христіанскаго благочестія;—съ Нимъ непременно должны быть тѣсно связаны, въ видахъ улучшенія и возвышенія, всѣ разныя отрасли общественной жизни. И развѣ мало найдется примѣровъ того, что гдѣ власть царская обезсилывалась, а тѣмъ болѣе прекращалась, и *людіе*, по выраженію пророка, становились *аки жерець, и рабъ аки господинъ* (Ис. 24, 2), сильно возбуждались страсти народныя, власть захватывалась разными узурпаторами, безщадно тѣснившими и давившими народъ, дѣйствовали зависть и рвеніе, производившія нестроеніе и всякую злую вещь (Іоан. 3, 16); и кто не знаетъ, что всѣ такія эпохи въ средѣ народовъ отмѣчены потоками крови человѣческой?—Видно, что только *Вышній владѣетъ царствомъ человѣческимъ* (Дан. 4, 14), и *идѣже нѣсть управленія* (отъ Бога), *падаютъ аки листвіе*, говоритъ Премудрый (Притч. 11, 14).

Охраняя и водворяя миръ и спокойствіе внутри, самодержавная царская власть служитъ необходимой и высшей охраной и отъ враговъ вѣншихъ. Духъ тьмы, дѣйствуя въ сынахъ противленія, возбуждаетъ вражду не только между членами общества, но и между цѣлыми народами, внушаетъ взаимную зависть; вслѣдствіе чего одни нарушаютъ миръ другихъ, устремляются и измышляютъ разныя козни къ униженію и подрыву благосостоянія. Тогда-то отрывается высека и вмѣстѣ трудность служенія царской власти; тогда

является Царь во всемъ могуществомъ и любви къ своему народу, какъ Богомъ поставленный и избранный защитникъ. Въ ограждение чести, спокойствія и благоденствія своего народа Онъ обнажаетъ врученный ему Богомъ мечъ какъ *Божіей службѣ, отмститель въ наказаніе дѣлающему злое* (Римл. 13, 4), и съ покорностію всеблагой волѣ Божіей и съ благословенія св. Церкви выступаетъ противъ враговъ своихъ подданныхъ для водворенія нарушеннаго мира и спокойствія ихъ.

Какая великая задача, и какой тяжелый трудъ лежитъ на Царѣ, какъ Отцѣ отечества! И всю эту сложную тяжесть подѣмлетъ Онъ не ради себя, по ради своихъ подданныхъ, ради ихъ общаго блага. Какъ же намъ не молиться предъ Престоломъ Царя царствующихъ и Господа господствующихъ о Царѣ своемъ, да ограждаетъ и охраняетъ его Милосердый отъ всѣхъ бѣдъ и несчастій, да осѣняетъ его своею божественною благодатію и помогаетъ ему въ Его великомъ и многотрудномъ служеніи, а въ лицѣ Его, какъ главы, охраняетъ, осѣняетъ и благодатію помогаетъ и намъ. *«Господи, спаси Царя и услыши ны»*, пусть этотъ завѣтъ древности чаще повторяется въ нашихъ молитвенныхъ обращеніяхъ къ Господу.

Православные Россіяне! Наше молитвенное общеніе съ Царемъ должно быть сильнѣе и живѣе, его возвышаетъ, возбуждаетъ и освящаетъ св. Христова вѣра, научающая, что Царь нашъ въ своей славіи и величіи есть образъ Небеснаго Царя, его тронъ—образъ престола Божія—его самодержавіе и единовластіе—образъ Божія вседержительства и единоначалія,—царство его—образъ Божія царства, его вѣнецъ—образъ божественной власти, что онъ есть Царь освященный благодатію Божіею, царь вѣданный и превознесенный паче всѣхъ человѣкъ; онъ есть верховный хранитель святой истины, какъ православный сынъ и защитникъ правъ св. церкви. Особенно тебѣ, царелюбивая Москва, должно быть близко это св. чувство общенія, ты—свидѣтельница тѣхъ священныхъ минутъ, когда Царь нашъ, два года назадъ тому, въ твоёмъ древнемъ храмѣ Пресвятой Богородицы, съ благословенія св. церкви, возложилъ на себя всѣ знаки превеличайшаго царскаго достоинства, и явился предъ лицомъ твоимъ во всей своей славіи и великолѣпіи земномъ. Ты, къ которой обращены взоры всей Россіи, ты должна первая являть въ себѣ примѣръ преданнаго молитвеннаго общенія съ Царемъ предъ лицомъ Господа, чтобы и другіе грады и веси, видя твое доброе дѣло, прославляли Отца небеснаго за Царя своего.

Вознесемъ же особенно въ нынѣшній высокаторжественный и всерадостный день усердную молитву, да укрѣпитъ Господь Царя нашего въ трудномъ подвигѣ служенія Его и испослаетъ на него свою божественную благодать, а въ лицѣ его, какъ главы, осѣнитъ и насъ всѣхъ своимъ небеснымъ обильнымъ благословеніемъ. *«Господи, спаси Царя, и нынѣ услыши насъ»*.

А. А.

ВНУТРЕННІЯ ИЗВѢСТІЯ.

Хиротонія епископа. Слухи оперемѣненія епархіальныхъ архіереевъ. Присвоеніе главному священнику званія протопресвитера. Учрежденіе новыхъ женскихъ обителей. Опроверженіе слуха о человѣческомъ жертвоприношеніи. Соборъ епископовъ въ Казани. Приливъ пожертвованій на храмъ Воскресенія. Крещеніе основателя общины евреевъ Новаго Завѣта. Цензура иконъ, выпускаемыхъ въ продажу. Запрещеніе просьбъ о предоставленіи мѣстъ дочерямъ духовенства въ Кіевской епархіи. Учрежденіе податныхъ инспекторовъ.

— 5 мая въ Александровской Лаврѣ совершено посвященіе ректора Литовской семинаріи, архимандрита Анастасія,

во епископа Брестскаго, викарія Литовской епархіи. Обрядъ хиротоніи совершалъ митрополитъ Исидоръ, при участіи митрополита Іоаннікія и нѣсколькихъ епископовъ.

— «Свѣтъ» сообщаетъ, что главному священнику арміи и флота предположено присвоить званіе протопресвитера.

— Святѣйшимъ синодомъ разрѣшено учредить близъ села Скрабина, сердобскаго уѣзда, саратовской губерніи, Вознесенскій женскій монастырь, съ пріютомъ или училищемъ для сиротъ дѣвочекъ. Въ пользу этого монастыря потомственный почетный гражданинъ А. Носовъ пожертвовалъ 2,074 десятины земли и капиталъ въ 100,000 рублей.

— Въ селѣ Козельщинѣ, кобелякскаго уѣзда, полтавской губерніи, учреждается женская община съ больницей, школою и богадѣльней. Въ эту общину графиня С. М. Капнисть пожертвовала весьма чтимую мѣстнымъ населеніемъ икону Божіей Матери, привлекающую нынѣ въ церковь массы богомольцевъ. Средства на содержаніе общины будутъ обезпечиваться доходами отъ посѣтителей ея и почитателей этой иконы.

— Въ газетахъ появились извѣстія о перемѣщеніи вѣкторыхъ епархіальныхъ преосвященныхъ. Пишутъ, что преосвященный Таврической Алексій назначается епископомъ Виленскимъ и Литовскимъ. Епископъ Камчатской епархіи Мартиніанъ—Таврическимъ архіереемъ. Ректоръ Камчатской духовной семинаріи, Александръ, управляющимъ Камчатскою епархіею Викарій Кіевской митрополіи, Виталий, епископомъ Тамбовскимъ и Шацкимъ.

— «Правительственный Вѣстникъ» категорически опровергаетъ сообщенное «Волжскимъ Вѣстникомъ и перепечатанное другими газетами извѣстіе о покушеніи вотяковъ одной деревни Мултанскаго прихода Вятской губерніи принести въ жертву Керемтю своего приходскаго священника, прибывшаго къ нимъ для напутствованія больного.

— По словамъ *ежедневнаго обозрѣнія* соборъ епископовъ въ Казани назначенъ на 8 іюля. Послѣ праздниа Казанской Божіей Матери, съѣхавшіеся въ Казань епископы имѣютъ открытъ свои засѣданія, на которыхъ, главнымъ образомъ, будетъ разсматриваться вопросъ о противодѣйствіи расколу. Въ связи съ этимъ вопросомъ будетъ происходить сужденіе и о распространеніи христіанства между различными инородцами.

— Приливъ жертвуемыхъ вещей на сооружающійся храмъ Воскресенія Христова такъ великъ, что вызвалъ со стороны завѣдующей постройкой комиссіи распоряженіе:—принимать только предметы, необходимые для храма. Число образовъ, церковныхъ предметовъ и другихъ вещей, предназначенныхъ для храма, простирается до 3,000 и между ними не мало весьма цѣнныхъ.

— Инициаторъ общины евреевъ Новаго Завѣта въ Кишиневѣ, Іосифъ Рабиновичъ, какъ сообщаютъ «Бессарабскія Губ. Вѣд.», уже принялъ крещеніе по обряду конгрегационной общины и получилъ разрѣшеніе на право совершенія христіанскихъ богослужбныхъ обрядовъ, собственно для евреевъ, какъ составляющихъ общину, такъ и желающихъ присоединиться къ ней.

— *Современная извѣстія* пишутъ, что среди иконоторговцевъ держится упорно слухъ, что на дняхъ долженъ выйти указъ Св. Синода о томъ, что бы всѣ святые иконы, продающіяся въ лавкахъ, были писаны благообразно, съ соблюденіемъ въ ихъ одеждѣ исторической вѣрности, согласно Четьи-минеи и прологовъ. Не удовлетворяющія же требованіямъ

этимъ въ продажу не будутъ допускаться; какъ образцы для вѣрнаго писанія святыхъ иконъ будутъ находиться въ консисторіяхъ рисунки, утвержденныя Св. Синодомъ. Также распоряженіе высшей церковной власти было бы очень полезно. Не говоря уже о томъ, что въ продажѣ существуетъ множество грубыхъ, не соответствующихъ своему предмету и назначенію изображеній, стали появляться въ продажѣ и иконы католическаго содержанія, напримѣръ «божественное сердце Іосифа», «Іосафатъ Кунцевичъ» «Распятіе Господа» съ аллегорическими изображеніями, и другія картины, не соответствующими ученію православной Церкви. Напримѣръ ксендзь Кунцевичъ произведенъ въ святаго самоволіемъ покойнаго папы Пія IX-го, а онъ былъ учителемъ православныхъ. Между тѣмъ подобныя картины покупаются нашимъ простымъ народомъ, и помѣщаются у божицъ.

— Въ *Кіевск. епарх. вѣд.* по распоряженію Высокопреосвященнаго митрополита Кіевского объявлено духовенству епархіи, чтобы отнюдь никто не просилъ Его Высокопреосвященство о предоставленіи дѣвицамъ священно-церковнослужительскихъ мѣстъ, потому что такія мѣста предоставляются только мужчинамъ, способнымъ исполнять священно-служительскія обязанности и что подобныя прошенія будутъ оставляемы безъ всякаго дѣлапроизводства.

— Моск. вѣд. сообщаютъ, что въ непродолжительномъ времени послѣдуетъ окончательное рѣшеніе вопроса объ учрежденіи податныхъ инспекторовъ, на обязанности которыхъ будутъ лежать наблюденіе за правильностью взносовъ всякаго рода сборовъ и податей, а также и взиманіе недоимокъ по сборамъ съ принятіемъ мѣръ, которыя главнымъ образомъ будутъ отличаться отъ нынѣ установленныхъ тѣмъ, что таковыя не будутъ приводить обидѣвшихъ плательщиковъ въ разореніе, какъ это нерѣдко бываетъ при настоящихъ способахъ взиманія. Съ этою цѣлью вновь составленный проектъ подробно вошелъ въ рассмотрѣніе сроковъ уплаты по сборамъ, принявъ во вниманіе какъ хозяйственный обиходъ плательщиковъ, такъ равно и время наиболѣе сподручное для нихъ по сбыту своихъ продуктовъ или издѣлій. Сроки взносовъ опредѣленные въ положеніяхъ о крестьянахъ и въ другихъ законодательствахъ, какъ указалъ опытъ, далеко не соответствуютъ срокамъ наибольшей состоятельности плательщиковъ. Въ проектѣ эти сроки измѣнены, при чемъ и увеличено льготное время безъ начета пени. При несостоятельности же плательщиковъ положено, чтобы податные инспекторы входили въ самую подробную оцѣнку хозяйственнаго положенія недоимщиковъ, изслѣдовали причины упадка ихъ хозяйствъ, приводили соображенія о возможности поднятія ихъ экономическаго уровня тѣми или другими мѣрами, наконецъ доставляли бы заключенія о разсрочкахъ накопившихся недоимокъ или о полномъ сложеніи ихъ со счетовъ. Такъ какъ для выполнения этихъ обязанностей податные инспекторы должны будутъ сообразоваться съ общими платежами недоимщиковъ, съ ихъ земельнымъ бытомъ или кругомъ торговыхъ ихъ оборотовъ; то для этого положено ввести инспекторовъ въ уѣздныя присутствія членами съ правомъ совѣщательнаго голоса. Число всѣхъ податныхъ инспекторовъ будетъ простираться до пятидесяти, при чемъ они будутъ состоять въ вѣдѣніи казенныхъ палатъ. Должности податнаго инспектора будетъ присвоенъ шестой классъ и окладъ въ 1.500 рублей въ годъ; сверхъ того они будутъ получать разъѣздныя деньги сораз-

мѣрно величинѣ подчиненныхъ имъ податныхъ участковъ. По слухамъ, должности податныхъ инспекторовъ будутъ введены съ 1 іюля.

МИССИОНЕРСКИЙ ОТДѢЛЪ

ПИСЬМА СЪ АЛТАЯ *).

Письмо седьмое.

Настоящимъ письмомъ хотѣлось бы нѣсколько ознакомить васъ съ образомъ жизни алтайцевъ, ихъ религіей, правами, управленіемъ, положеніемъ христіанъ-инородцевъ среди язычниковъ, ненормальнымъ отношеніемъ языческихъ властей къ новокрещеннымъ инородцамъ, и наконецъ — желаемымъ измѣненіемъ таковыхъ отношеній для большаго успѣха христіанства.

Алтай населенъ инородцами монгольско-татарскаго племени, говорящими нарѣчіями татарскаго языка. Около 100 лѣтъ прошло со времени принятія алтайцевъ въ подданство Россіи ²⁾. Сначала всѣ алтайскіе инородцы причислены были по управленію къ Кузнецкому округу, а со времени преобразования Бійскаго укрѣпленія въ гор. Бійскъ, южная часть Алтая отчислена къ Бійскому округу. По образу жизни алтайцы раздѣляются на кочевыхъ, живущихъ въ юртахъ, покрытыхъ войлокомъ, берестомъ или лиственной корой, — лѣтомъ въ одномъ мѣстѣ, а зимой въ другомъ, и осѣдлыхъ, живущихъ въ избахъ. 7 дучинъ алтайскихъ, 2 чуйскія волости и 4 волости черневыхъ татаръ, населяющіе Бійскій Алтай ведутъ исключительно кочевую жизнь; 2 кумандинскія волости съ нѣкотораго времени живутъ полуосѣдло, въ домахъ. Инородцы Кузнецкаго округа живутъ частію въ избахъ, частію въ юртахъ. Алтайскіе инородцы какъ Бійскаго, такъ и Кузнецкаго округовъ, всѣ идолопоклонники, шаманскаго суевѣрія.

Религіозные обряды ихъ состоятъ главнымъ образомъ въ жертвоприношеніяхъ, доброму божеству, Ульгеню, — однажды въ годъ, или вообще рѣдко и не для всѣхъ обязательно, — гораздо чаще злему Эрлику, бѣсамъ и душамъ умершихъ, амулеты коихъ ставятся въ юртахъ, хранятся вмѣстѣ съ имуществомъ и вывѣшиваются на дворѣ. Чествованіе божества и умилостивленіе прогнѣванныхъ духовъ выражаются возліаніями, окропленіями, сожженіями, подвѣсками и другими вещественными приношеніями, а преимущественно кровавыми жертвами. Никакое бѣдствіе такъ не разоряетъ Алтай, никакой моръ не истребляетъ столько скота, какъ камланье. Камланье во время болѣзни составляетъ непремѣнный долгъ всякаго алтайца. Считается недостаткомъ вниманія къ больному, если родственники его не пригласятъ для него кама, который мнимыми предвѣдѣніями жизни или смерти отъ имени духовъ заставляеть суевѣрныхъ жертвовать бѣсамъ свой скотъ и имущество, нерѣдко до полнаго разоренія.

Инородцы и при собственномъ сознаніи суепости вѣры своей, очевидности обмана камовъ, разоренія причиняемаго ими, силою привычки и уваженія къ старинѣ, ставшими для нихъ закономъ естественной потребности, удерживаются, какъ невольники въ узахъ суевѣрія.

1) См. № 7 „Моск. Церк. Вѣд.“ 1885 г.

2) Преданіе алтайцевъ гласитъ, что они поступили въ подданство Россіи при Царь-дѣвицѣ (Кыс-Кааннѣй тужундѣ), вѣротно Императрицѣ Аннѣ Іоанновнѣ.

«Одинъ старикъ», пишетъ въ своей запискѣ одинъ изъ миссіонеровъ, «говорилъ, что у него камы, когда хворала у него жена, съѣли 60 лошадей, а мелкаго скота онъ и не считалъ. По милости камовъ онъ и раззорился, а жена все-таки умерла. Когда я спросилъ у кама, продолжалъ старикъ, зачѣмъ же ты говорилъ, что Эрликъ просить жертвы и твоя жена будетъ здорова? — Я жертвы давалъ, а жена моя все-таки умерла,—это мнѣ обидно: ты меня обманулъ». На это камъ отвѣтилъ: «я развѣ богъ? Я развѣ могъ воскресить твою жену? Я, сколько могъ, старался. Въ то время, какъ я приходилъ къ Эрлику съ жертвою, онъ куда-то уходилъ, а одинъ бѣсъ въ это время задавилъ твою жену».

Для характеристики камовъ и отношенія къ нимъ инородцевъ приводимъ еще примѣръ, записанный другимъ миссіонеромъ: на вопросъ миссіонера, предложенный одному инородцу, по поводу раздаваемаго въ соседней юртѣ звука камскаго бубна, для чего совершается это камлаанье,—инородецъ отвѣтилъ, что камлаанье происходитъ въ его юртѣ по приглашенію его, присовокупляя: «не знаю будетъ ли мнѣ когда легче или нѣтъ. Всю скотину прокамлаю, теперь еще послѣднюю камлаю»... Но должно быть наши камы только лгутъ все: говорить легче будетъ, а сами ничего не знаютъ. Ну, да пускай еще послѣднюю овцу закамлаютъ, что будетъ, а послѣ я этого кама и въ юрту не нушу, если онъ совретъ!»

Очевидно, послѣ сего, какое великое благодѣяніе, между прочимъ приносятъ Алтаю христіанство и тѣмъ, что освобождаетъ насельниковъ его отъ сего раззорительнаго суевѣрія.

Раздѣленные на волости или дючины, алтайскіе инородцы управляются родовыми старостами, въ Кузнецкомъ округѣ подъ названіемъ башлыковъ, а въ Війскомъ — зайсановъ. Тѣ и другіе утверждаются въ должности губернскимъ начальствомъ. Должность эта въ Війскомъ округѣ наследственна и пожизненна, а въ Кузнецкомъ, бывшая прежде таковою же, въ настоящее время, благодаря благоразумнымъ распоряженіямъ окружныхъ исправниковъ,—трехлѣтняя, по выборамъ, преимущественно изъ крещенныхъ инородцевъ. Волостные старосты, въ обоихъ округахъ имѣютъ себѣ отъ трехъ до пяти помощниковъ по управленію и сбору податей, подъ именемъ димичей; по числу помощниковъ каждая волость раздѣлена на участки; въ каждомъ участкѣ имѣется нѣсколько сборщиковъ податей, подъ именемъ шуленгы, а у чуйцевъ пошхо; димича завѣдуетъ всѣми дѣлами своего участка, онъ и подати собираетъ, судъ и расправу творить, онъ и голосъ подаетъ отъ имени своего участка при рѣшеніи дѣлъ, касающихся всей волости. Въ тяжбныхъ дѣлахъ недовольные рѣшеніемъ димича, апеллируютъ къ зайсану, что бываетъ впрочемъ рѣдко. Не возбраняется съ просьбой обращаться и прямо къ зайсану, если сей живетъ ближе димича. Дѣла, касающіяся всей волости рѣшаются всѣхъ димича съ зайсаномъ во главѣ; прочіе члены-общины въ силу стадности своей, въ большинствѣ случаевъ не имѣютъ своего мнѣнія; при голосованіи отивчаютъ обыкновенно: «про то знаютъ старшіе (яндаръ-билер) или «какъ димича такъ и мы». Дѣла особенной важности, или касающіяся нѣсколькихъ или всѣхъ волостей обсуждаются собраніемъ всѣхъ зайсановъ и димичей, иногда при гражданскомъ чиновникѣ. Со времени организованія христіанскихъ общинъ изъ новокрещенныхъ инородцевъ, сперва при станахъ миссіи, а потомъ въ другихъ, удобныхъ для заселенія мѣстахъ, по инициативѣ алтайской миссіи, для веденія общественнаго порядка, избирались новокрещенными изъ

среды своей старшины, по началу ни кѣмъ не утверждаемые. Съ увеличеніемъ населенія чрезъ рожденіе и колонизацію изъ вновь крещенныхъ и русскихъ гражданское начальство признало необходимымъ ввести въ этихъ, миссіей основанныхъ, селеніяхъ, порядокъ избранія и утвержденія старшинъ изъ новокрещенныхъ по образцу русскихъ селеній. Опасаясь таковымъ нововведеніемъ дать поводъ неблагонамѣреннымъ людямъ распространять толки, могущіе смутить новокрещенныхъ, начальство обратилось въ этомъ дѣлѣ къ посредничеству миссіи, чтобы она слогою своего нравственнаго авторитета убѣдила новокрещенныхъ самихъ обратиться къ гражданской власти съ просьбою о томъ, чтобы избираемые ими сельскіе старшины утверждаемы были въ этой должнсти полицейскимъ управленіемъ, и чтобы таковымъ старшинамъ выданы были печати. Само собою разумѣется, миссія съ полнымъ сочувствіемъ отнеслась къ приглашенію гражданской власти и благодаря ея посредничеству, въ настоящее время, почти во всѣхъ значительныхъ селеніяхъ новокрещенныхъ, имѣются сельскія печати и формальнымъ порядкомъ утвержденные старшины. Такое нововведеніе вызвало протестъ со стороны языческихъ зайсановъ.

При рѣшеніи всякаго рода дѣлъ, исключая уголовныхъ, родовые старосты и ихъ помощники руководствуются народнымъ обычнымъ правомъ. Въ видахъ регламентирования обычнаго права алтайцевъ генераль-губернаторъ Западной Сибири, года два назадъ поручалъ Війскому окружному исправнику собрать матеріалы такового по примѣру, сдѣланному въ Киргизской степи; но о результатахъ такого порученія ничего неизвѣстно.

Право суда по народнымъ обычаямъ въ рукахъ языческихъ властей Алтая бываетъ особенно эластично, когда рѣшаются спорныя дѣла между инородцами крещеными и некрещеными; въ такихъ случаяхъ народные обычаи по суду языческихъ властей, никогда не бываютъ на сторонѣ христіанъ. Явная несправедливость зайсанскихъ судовъ въ отношеніи къ новокрещеннымъ вызвала со стороны послѣднихъ протесты къ гражданскимъ властямъ, которыя иногда въ силу прискорбнаго предубѣжденія противъ распространенія христіанства на Алтаѣ, какъ было въ половинѣ пятидесятихъ годовъ, а иногда за множествомъ дѣлъ должнаго вниманія на протесты новокрещенныхъ не обращали, а на ходатайство миссіи за обиженныхъ смотрѣли, какъ на вмѣшательство ея не въ свое дѣло.

Инициатива смѣны зайсана и выбора новаго принадлежитъ димичамъ, а сихъ въ свою очередь утверждаетъ и смѣняетъ зайсанъ. Въ силу такого порядка, зайсаны мирволятъ димичамъ, димичи зайсанамъ. Такъ какъ димичи почти исключительно бываютъ изъ язычниковъ, то и выборъ въ зайсаны всегда падаетъ на язычника, даже и тогда, когда треть или около половины волости состоитъ изъ христіанъ.

Всякій проситель, по дѣлу своему обращающійся къ зайсану или димичѣ, долженъ принести съ собою для угощенія водки, которая выпивается судьей до начала разбирательства дѣла. Такъ какъ просители являются часто, то судьи рѣдко бываютъ трезвыми. Во время сбора зайсановъ для рѣшенія накопившихся дѣлъ тяжбныхъ, пьянство бываетъ непросыпное. Если обсуждается общественное дѣло, то водка покупается на общественныя деньги въ большомъ количествѣ. Если на подобномъ сборѣ присутствуетъ и гражданскій чиновникъ, то и онъ не въ силахъ остановить разгула: его

власть слишкомъ слаба для несмѣняемыхъ зайсановъ, болѣе привышихъ повелѣвать, чѣмъ исполнять повелѣнія. Однажды при проведеніи дороги въ Риддерскій рудникъ, Бійскій окружный исправникъ долженъ былъ принять крутыя мѣры къ вытрезвленію пьянствовавшихъ зайсановъ, но самъ же послѣ за это поплатился.

Несмѣняемость и кастичность волостныхъ начальниковъ, у киргизовъ подъ именемъ султановъ, у алтайцевъ, зайсановъ и башлыковъ, допущенныя правительствомъ, какъ уступка, въ административныхъ видахъ, надѣлавшія у киргизовъ много безпорядковъ и правительствомъ тамъ уже отмѣненныя, у кузнецкихъ инородцевъ замѣненныя выборнымъ началомъ, у алтайцевъ держатся упорно, благодаря стойкости «родовичей». Эта стойкость или справедливѣе упрямство зайсановъ получаютъ силу свою съ одной стороны въ невозможности для гражданской власти, по обширности алтайскаго района имѣть надлежащій надзоръ надъ дѣйствіями зайсановъ и тѣмъ парализовать ихъ неограниченный деспотизмъ въ краѣ, съ другой — въ недостаткѣ энергіи гражданскихъ чиновниковъ, не всегда стоявшихъ на высотѣ своего назначенія. Частая смѣна лицъ, поставляемыхъ для контроля надъ дѣйствіями родовыхъ старостъ и ихъ помощниковъ въ Алтаѣ, слишкомъ эгоистическій взглядъ на свою профессию нѣкоторыхъ изъ представителей русской власти въ инородческомъ краѣ унизили ихъ и ослабили въ глазахъ инородцевъ власть ихъ. Это разъ. Съ другой стороны несмѣняемость зайсановъ, упрямое отстаиваніе ими дикой старины алтайской, сопротивление распоряженіямъ администраціи, касающимся благоустроенія края, поставившія ихъ въ мѣшкіи инородцевъ на высокой пьедесталъ князьковъ и окружившія ихъ ореоломъ защитниковъ народныхъ интересовъ, породили въ сихъ чванливыхъ «родовичахъ» множество пороковъ, какъ-то: взяточничество, грабежъ, неправду, орадываніе народныхъ капиталовъ, крайнюю безпечность въ отношеніи къ истиннымъ народнымъ интересамъ, укрывательство уголовныхъ преступленій, глумливые отзывы о безсиліи гражданской власти.

Народные обычаи, какими руководствуются зайсаны и димичи при разбирательствѣ дѣлъ инородцевъ, возникли на исторической почвѣ языческаго Алтая. Въ силу религіозности характера своего, многіе изъ таковыхъ обычаевъ, обязательные для язычника, оскорбительны для религіознаго чувства христіанина. Таковы обычаи свадебные, семейные, бракоразводные. При рѣшеніи дѣлъ подобнаго рода зайсаны естественно должны были руководствоваться и въ отношеніи къ новокрещеннымъ существующими обычаями, воплнѣ языческими, или съ религіозно-языческой подкладкой, — что вызвало со стороны миссіонеровъ справедливые протесты, по заявленію новокрещенныхъ, которые были слишкомъ слабы, чтобы самимъ входить съ судебное препирательство съ этими своего рода князьками, по народной своей пословицѣ: спорить съ морозомъ — быть безъ носа, спорить съ начальствомъ — быть безъ ушей.

Вослѣдствіи, съ умноженіемъ новокрещенныхъ, благоразумнѣйшіе изъ языческихъ записановъ и димичей, справедливо признавая себя не компетентными при разбирательствѣ дѣлъ, имѣющихъ религіозный характеръ, — отсылали новокрещенныхъ къ миссіонерамъ и христіанскимъ обществамъ, образовавшимся изъ новокрещенныхъ инородцевъ. Иные же отказывались отъ разбирательства всякаго рода просьбъ новокрещенныхъ и жалобъ — сихъ на некрещенныхъ, презрительно

говоря: Вы не наши; идите, косматыя *) собаки, просите себя суда, гдѣ знаете». — Гдѣ же искать имъ таковой судъ? — У гражданского начальства? Но возможно ли это инородцу, живущему гдѣ нибудь въ Кузнецкой тайгѣ, за Телецкимъ озеромъ, въ Кожгагачѣ и т. п. мѣстахъ? — Подать письменное заявленіе? Но кто ему такое напишетъ? и тѣмъ болѣе, кто по адресу доставить? Не случится ли по пословицѣ: «пока солнышко взойдетъ, роса глаза выѣстъ?!» — Къ своимъ христіанскимъ обществамъ? Но таковыя, такъ сказать, только вчера получили санкцію своему существованію. — Къ миссіонеру? Начальству миссій? Но и сіи не имѣютъ юридическаго права на сіе, хотя de facto, въ силу необходимости, должны бывать нести на себѣ тягостную службу третейскихъ судей и среди новокрещенныхъ христіанъ, за что не разъ подвергались всякаго рода несправедливымъ нареканіямъ со стороны призванныхъ и непризванныхъ судей.

Еще въ 50-хъ годахъ вопросъ о разбирательствахъ дѣлъ, возникающихъ между крещеными и некрещеными инородцами разсматривался въ правительственныхъ «ферахъ, духовныхъ и гражданскихъ. Такъ въ 1857 году Томское епархіальное начальство на отказъ губернскаго правленія (1857 г. № 3460, 17 декабря) въ выборѣ помощниковъ зайсанамъ и димичамъ изъ крещенныхъ инородцевъ Алтайскихъ, — отказъ ни чѣмъ не мотивированный, **) сдѣлало слѣдующій отзывъ: «представленіе миссіонера, протоіерея Ландышева относительно необходимости опредѣленія помощниковъ не крещенымъ зайсанамъ, старостамъ и димичамъ изъ крещенныхъ инородцевъ для разбирательства дѣлъ, касающихся крещенныхъ инородцевъ не можетъ быть неосновательнымъ, потому, что весьма несообразно съ естественнымъ порядкомъ, чтобы крещенные, состоя подъ защитой православнаго правительства и законовъ, управлялись одними не крещеными мѣстными начальствами, безъ участія крещенныхъ, въ чемъ достачно убѣждаютъ многоразличные опыты». — Вслѣдъ за этимъ протоіереемъ Ст. Ландышевымъ, по требованію епархіальнаго и губернскаго начальствъ, были сообщены факты, подтверждающіе неправосудіе некрещенныхъ мѣстныхъ начальствъ противъ крещенныхъ, въ разбирательствѣ ихъ дѣлъ между собою. Но къ сожалѣнію вся эта переписка къ желаннымъ результатамъ не привела.

Безконтрольность суда инородческихъ властей по народнымъ обычаямъ, дающая много мѣста произволу и несправедливости вообще, а къ новокрещеннымъ въ особенности, запуганное, обиженное и беззащитное положеніе послѣднихъ подъ властію враждебно настроенныхъ языческихъ волостныхъ начальниковъ и, наконецъ, молчаливое отношеніе къ тѣмъ и другимъ гражданской власти, по причинамъ вышеуказаннымъ, парализуетъ дѣло миссіонерской проповѣди почти во всѣхъ нашихъ отечественныхъ миссіяхъ. Въ Алтаѣ это можно ясно видѣть при сопоставленіи процентовъ крещаемыхъ различныхъ мѣстностей. Наибольшій процентъ крещеній въ текущемъ году, какъ и прежде, былъ въ Кузнецкомъ округѣ, гдѣ волостные старосты выбираются почти

*) Некрещенные брѣютъ голову, оставляя клокъ на макушкѣ; крещенные держатся русскаго обычая.

**) На основаніи данныхъ, имѣющихся въ архивѣ миссій, съ полною вѣроятностію можно предположить, что губернская власть введена была въ заблужденіе по этому вопросу Бійскимъ исправникомъ Квятковскимъ, воспитанникомъ іезуитской школы, находившимся въ крайне враждебномъ отношеніи къ миссії и вообще къ христіанству на Алтаѣ.

обязательно изъ крещенныхъ инородцевъ, затѣмъ Чолышманѣ и Улаганѣ, гдѣ инородцы находятся въ вліяніи зайсановъ и при постоянномъ воздѣйствіи на нихъ миссіонера и благонастроеннаго христіанскаго общества; средній процентъ крещеній дали четыре волости черневыхъ татаръ и двѣ Кумандицкія, гдѣ изъ шести зайсановъ четверо крещенные; наименьшій процентъ пріобрѣтенъ для церкви Христовой отъ семи волостей такъ называемыхъ Алтайскихъ калмыковъ, у которыхъ нѣтъ крещенныхъ ни зайсановъ ни помощниковъ ихъ; населеніе, вслѣдствіе разбросанности по доламъ и ущельямъ Алтая и изолированности положенія, оставаясь въ благотворнаго вліянія православнаго общества, при ограниченности миссіонерской проповѣди по причинамъ, отъ миссіи независимымъ, наконецъ, вслѣдствіе антагонизма, возбуждаемаго въ языческомъ населеніи этой части Алтая обидливымъ и враждебнымъ отношеніемъ къ нимъ колонизаторовъ—раскольниковъ, при ревливой опеке язычества со стороны языческихъ волостныхъ старшинъ, представляетъ самую неблагоприятную почву для миссіонерской проповѣди. Результатъ нашей поѣздки по Алтаю и черни въ текущемъ году подтвердилъ статистическіе выводы изъ данныхъ прежнихъ лѣтъ. Тогда какъ черневые татары и кумандицы Бійскаго и Кузнецкаго округовъ безпрекословно собирались по первому приглашенію въ назначенное нами мѣсто и въ теченіе двухъ и трехъ дней съ полнымъ вниманіемъ слушали миссіонерскую проповѣдь, отвѣчая на нее или неотлагаемою готовностью—креститься или обѣщаніемъ дать отвѣтъ чрезъ нѣкоторое время, чтобы можно было имъ пока «подумать» или посоветоваться съ семейными,—алтайцевъ съ трудомъ можно было собирать, и только въ такомъ ограниченномъ количествѣ, какое необходимо было для исполненія обывательской повинности по постановкѣ лошадей для нашего проѣзда. Въ одной изъ мѣстностей Алтая вслѣдствіе настоянія нашего, собранные зайсанами некрещенные инородцы, какъ скоро замѣтили намѣреніе миссіонера и катихизаторовъ начать съ ними бесѣду о вѣрѣ, по сигналу данному имъ однимъ изъ зайсановъ, сѣли на копей и уѣхали. Такъ какъ возбужденіе инородцевъ, произведенное застрашиваньемъ со стороны зайсановъ и нѣкоторымъ ложнымъ слухомъ, пущеннымъ однимъ крестьяниномъ предъ нашимъ пріѣздомъ, могло привести къ результатамъ неприятымъ для самихъ зайсановъ, то потребовалось, послѣ надлежащаго вразумленія ихъ, самимъ же имъ сдѣлать порученіе, усвоить инородцевъ и собрать послѣднихъ къ намъ для разъясненій и бесѣды. Результатомъ этого распоряженія было продолжительное собесѣдованіе съ инородцами обѣихъ половъ, во множествѣ собравшимися на свадебный пиръ одного новизбраннаго зайсана. Въ виду нашего прібытія зайсаны не только могли удержать гостей отъ разгуга, но и расположить ихъ къ внимательному слушанію слова.

Изъ представленныхъ случаевъ можно судить, какое подавляющее вліяніе имѣютъ родовые старосты на подчиненныхъ своихъ и какую крѣпкую преграду составляютъ они для миссіонерской проповѣди.

Продолжимъ сопоставленіе инородцевъ семи Алтайскихъ дючинъ съ Кузнецкими и Бійскими черневыми татарами.

Тогда какъ послѣдніе съ охотой принимали миссіонеровъ и катихизаторовъ, посылаемыхъ нами (въ текущемъ году) по юртамъ для проповѣди тѣмъ, кто немогъ прібыть къ сборному мѣсту, съ усердіемъ слушали ихъ бесѣды, въ Ал-

тайскихъ юртахъ проповѣдники встрѣчаемы были весьма недружелюбно. Послѣ безуспѣшной проповѣди возвращавшіеся проповѣдники, со скорбію рассказывали намъ, что въ одномъ мѣстѣ хозяева юрты стукомъ и громкимъ разговоромъ мѣшали имъ вести бесѣду; въ другой—ушли изъ юрты, оставивъ проповѣдниковъ однихъ, въ иномъ мѣстѣ, при приближеніи къ юртѣ проповѣдники увидѣли трехъ инородцевъ разныхъ возрастовъ въ виду ихъ сѣвшихъ на одну лошадь и убѣжавшихъ отъ нихъ, одинъ грозился зарѣзаться, если они будутъ говорить о крещеніи, старуха также показала на пожъ; въ одной юртѣ женщина сказала проповѣдникамъ, что если они еще прійдутъ къ ней съ проповѣдью, то она встрѣтитъ ихъ съ топоромъ. Вотъ отвѣтъ языческаго Алтая, крѣпко держамаго въ рукахъ высокоумныхъ, пьяныхъ и дикихъ родовичей. Мы увѣрены, что и эта часть Алтая была бы теперь по крайней мѣрѣ на половину христіанскою, если бы оказана была справедливость христіанскому элементу, въ лицѣ новокрещенныхъ, освобожденіемъ ихъ отъ деспотизма языческихъ властей.

Письмо осмое.

Продолжаю замѣтки объ Алтаѣ. Со времени поступленія алтайскихъ инородцевъ подъ власть Россіи до открытія дѣйствій алтайской миссіи, Алтай въ культурномъ отношеніи стоялъ неподвижно на той степени одичанія, на которой былъ и до русскаго подданства. Только съ 1830 года, когда свѣтъ Евангелія, при служеніи миссіи озарилъ ущелья и дебри Алтая, стала постепенно исчезать мгла язычества и измѣняться къ лучшему и наружный видъ алтайской юрты. На мѣстѣ лѣтнихъ и зимнихъ кочевовъ, со множествомъ вывѣшенныхъ кожъ идолажертвенныхъ животныхъ, появились селенія новокрещенныхъ алтайцевъ, по образцу русскихъ селъ и деревень, съ христіанскими храмами и молитвенными домами. Холодную и дымную юрту замѣнила теплая русская изба, нерѣдко съ русскою баней. Русская одежда, русская пища, русскій семейный и общественный бытъ,—все это, принятое новокрещенымъ въ замѣтъ своего національнаго, свидѣтельствуется о желаніи христіанъ-алтайцевъ слиться въ одно съ православною русскою семьей. А это множество христіанскихъ школъ во всѣхъ пунктахъ Алтая, даже въ такихъ глухихъ и недоступныхъ, какъ ущелье Чолышмана и кузнецкая тайга,—съ русскимъ языкомъ, съ большимъ процентомъ учащихся не только дѣтей обоюго пола, но и взрослыхъ лицъ, способность и усиленное желаніе питомцевъ этихъ школъ не только по русски читать, но и мыслить и чувствовать по русски, и жать по христіански,—эти лучшіе воспитанники сихъ школъ, отлично усвоившіе все русское, но безъ прервѣнія къ родному, многіе изъ нихъ женившіеся на русскихъ, воспитываютъ дѣтей въ духѣ вполне русскомъ, съ похвалою, достойною лучшихъ питомцевъ русскихъ школъ и училищъ, проходившіе и проходящіе служеніе въ званіи учителей, переводчиковъ, псаломщиковъ, діаконовъ и священниковъ,—все это не говоритъ ли убѣдительно, что Алтаю, выведенному изъ тьмы язычества, спасенному—отъ поглощенія магометанствомъ и ламаизмомъ, какъ случилось съ киргизами и иркутскими бурятами, предлежитъ свѣтлая будущность въ ассимилированіи русской семьей, если мы, русскіе, сами не оттолкнемъ отъ себя этихъ новопросвѣщенныхъ братьевъ нашихъ нашимъ безучастнымъ, не рѣдко презрительнымъ, отношеніемъ къ нимъ, глауменіемъ надъ нѣкоторыми внѣшними

ихъ недостатками, надъ ихъ одеждой, туалетомъ, безпощаднымъ осужденіемъ этихъ младенцевъ вѣры за нарушение уставовъ о постѣ, пищѣ и проч., если вмѣсто защиты и покровительства ихъ, въ предѣлахъ справедливости, отдадимъ ихъ на поруганіе и угнѣтеніе ихъ языческимъ властямъ, противъ нихъ и противъ всего русскаго предубѣжденнымъ и озлобленнымъ. Это предубѣжденіе и озлобленіе языческаго Алтая, во главѣ коего всегда были зайсаны, димичи и вообще вліятельные люди, подъ именемъ *жигиларовъ*, — своего рода интеллигенція, къ голосу коей прислушивается и вторить ему и языческое общество, — началось съ первыхъ годовъ распространенія на Алтаѣ православія и введенія русскаго культа при посредствѣ миссіи и колонизаціи русскихъ крестьянъ. Предубѣжденіе алтайцевъ противъ всего русскаго вытекало не изъ сознанія превосходства своего племеннаго, а болѣе изъ опасенія подпасть подъ то тяжелое иго, которое несетъ человѣкъ русскій изъ любви къ своей вѣрѣ, царю и отечеству, — иго податной и воинской повинности. Озлобленіе же возникло вслѣдствіе обнаруженія, подъ вліяніемъ христіанской среды, тѣхъ злоупотребленій, какія допускали не смѣняемые зайсаны и димичи, и вслѣдствіе непріязненныхъ отношеній, въ какія поставили себя переселившіеся въ Алтаѣ русскіе крестьяне.

Ненависть языческихъ властей Алтая къ христіанству и обрусенію выразилась фактами преслѣдованія желавшихъ принять св. крещеніе и гоненія крестившихся, жестокостью своею напоминающихъ времена христіанскаго мученичества.

Въ архивѣ миссіи есть факты свидѣтельствующіе, что зайсаны, димичи и поощряемые примѣромъ сихъ не крещенные инородцы допускали въ отношенія желающихъ принять св. крещеніе и крещенныхъ инородцевъ разнаго рода несправедливости; напримѣръ, желающихъ креститься преслѣдовали и мучительными пытками заставляли отказываться отъ своего намѣренія; крестившихся возвращали въ стойбища некрещенныхъ, гдѣ, продерживая ихъ отъ 3 до 7 лѣтъ, доводили ихъ до забвенія христіанства и отреченія отъ него, или же пытками принуждали ихъ отречься отъ христіанства; заставляли ѣсть идоложертвенное; иногда въ присутствіи гражданскаго чиновника срывали съ христіанъ кресты и плевали на нихъ; позволяли себѣ въ присутствіи новокрещенныхъ смѣяться надъ воспринятой ими св. вѣрой, кощунствовать надъ св. иконами, угрожать раззореніемъ церкви; разлучали супруговъ, отбирали у мужей женъ, крестившихся лишали общественныхъ должностей, отбирали у нихъ имущество, жестоко наказывали розгами (иногда до 100 ударовъ) и нагайками; морили голодомъ; подвергали пыткамъ до уродованія рукъ и ногъ; бывали случаи убійства новокрещенныхъ и захвата ихъ имущества; взыскивали съ новокрещенныхъ лишнія подати; на жалобы новокрещенныхъ на насиліе, имъ причиняемое, зайсаны не обращали вниманія, а иногда самихъ жаловавшихся подвергали наказанію. Такимъ преслѣдованіямъ подвергаются новокрещенные не только за принятіе ими св. крещенія, но и за содѣйствіе крещенію другихъ.

Духъ злобы, руководившій служителями своими въ лицѣ властей языческаго Алтая, не оставилъ въ покоѣ и служителей свѣта. Проповѣдникамъ Евангелія на Алтаѣ пришлось вытерпѣть отъ своекорыстія и фанатизма названныхъ языческихъ властей нѣчто подобное тому, чему подвергся нѣкогда Апостольскій языкъ, когда оныя *господіе* несчастной служанки, имѣвшей въ себѣ *духа пытливаго*, видя, яко *изъде надежда*

стязанію ихъ, возбудили противъ Апостола народъ и городскія власти. Во второй половинѣ 50-хъ годовъ алтайскіе зайсаны и димичи, поощряемые и руководимые нѣкими лжехристіанами, нашими русскими братьями, ихъ же Богъ чрево, средство къ жизни клевета, возвели на миссію черную клевету, причинившую проповѣдникамъ мира и истины много огорченій и безпокойства. Возникшее по поводу сего множество безполезной переписки не на одинъ годъ парализовало служебную дѣятельность членовъ миссіи до того, что многіе изъ нихъ, проходившіе служеніе свое съ Апостольскою ревностію въ теченіе не малыхъ лѣтъ, уже начали было помышлять объ удаленіи своемъ изъ миссіи¹⁾. Но это было муками рожденія Церкви Христовой на Алтаѣ, огнемъ очищенія проповѣдниковъ Евангелія и водою омовенія *красныхъ ногъ благовѣствующихъ миръ на горахъ Алтая*.

Личное изслѣдованіе дѣла, произведенное епархіальнымъ преосвященнымъ (1858 г.) по порученію высшаго духовнаго правительства обнаружило, что возмущеніе противъ пути Господня, говоря словами книги Дѣяній Апостольскихъ (19, 23), возможны не въ одномъ Ефесѣ и, что алтайскіе *«Дмитріи среброковачи»* при возбужденіи отъ духа злобы, не менѣе ефесскихъ, подъ благовидными предлогами, за которыми скрываются личные интересы, способны къ возбужденію умовъ противъ проповѣдниковъ Бога истины, посредствомъ гнусной клеветы. Не лишнимъ считаемъ упомянуть объ одномъ фактѣ, случившемся при дознаніи, произведенномъ покойнымъ преосвященнымъ Парфеніемъ (въ 1858 г.) въ Мыютинскомъ ставѣ, куда собраны были алтайскіе зайсаны, многіе изъ инородцевъ язычниковъ и христіанъ.

Одна некрещенная инородка на спросъ преосвященнаго сдѣлавшая, очевидно, ложное показаніе, тутъ же, у ногъ святителя упала, какъ-бы пораженная невидимою силою и вынесена была полу-мертвою. Если бы для объясненія такого факта и отыскались причины естественныя, то и тогда совпаденіе его съ событіемъ данной минуты нельзя назвать дѣломъ случая. Перстъ Божій здѣсь очень виденъ былъ для присутствовавшихъ здѣсь язычниковъ, на которыхъ сказанное событіе подѣйствовало устрашающимъ и вразумляющимъ образомъ. Одинъ изъ некрещенныхъ алтайцевъ, нѣкто Курманъ, служившій у зайсановъ и гражданскихъ чиновниковъ переводчикомъ, заслужившій печальную извѣстность поощреніемъ язычниковъ къ клаузамъ на миссію, — такъ пораженъ былъ описаннымъ случаемъ съ клеветницей, что вскорѣ послѣ сего, раскаявшись во всемъ, что сдѣлалъ злаго для христіанства на Алтаѣ, со всѣмъ семействомъ принялъ св. крещеніе и умеръ добрымъ христіаниномъ.

Промыслу Божию угодно было въ эти тяжкія години испытанія для миссіи даровать нѣкое особое ободреніе и утѣшеніе, возбужденіемъ сердца Царя къ особенному попеченію о миссіи, именно: указомъ Св. Синода послѣдовавшимъ вслѣд-

¹⁾ Покойный протоіерей С. Ландышевъ изображая настроеніе духа миссіонеровъ того тяжелаго времени писалъ: „Я лишился почти половины зрѣнія (отъ множества переписки) О. Д. смертельно боленъ. Е. Е. также тяжело безнадежно боленъ. А—й службу при миссіи находитъ не по себѣ. М—нъ подалъ уже прошеніе объ увольненіи. О. С—нъ въ сильномъ колебаніи; О. А—ъ давно порывается подать прошеніе о переводѣ на приходъ. О. А—й уже подалъ. О. І—нъ тоже думаетъ уйти. О. В—й за лучшее почитаетъ и мнѣ совѣтуетъ возвратиться для поправленія здоровья на родину. О. А. желаетъ злу дать мѣсто и удалиться въ обитель молиться за враговъ.“

ствіе замѣчанія въ Бозѣ почившаго Государя Императора на отчетѣ о Православномъ Миссіонерствѣ, епархіальному просвященному дано было знать, чтобы на труды миссіонеровъ было обращено особенное вниманіе.

Описаннымъ событіемъ, благодаря благоразумному посредничеству высшей гражданской власти, закончился періодъ антагонизма 50-хъ годовъ, бывшаго между гражданской властію и миссіей; со второй половины 60-хъ годовъ начались времена мира и единодушія, — съ рѣдкими исключениями, — между названными учрежденіями. Но не кончилось время преслѣдованія новокрещенныхъ со стороны ихъ языческихъ властей, хотя не съ прежней силой и въ меньшихъ размѣрахъ; ибо, благодаря учрежденію христіанскихъ обществъ съ сельскими старшинами, избираемыми изъ среды новокрещенныхъ и утверждаемыми въ своей должности гражданской властію, — деспотизмъ зайсановъ и димичей (въ настоящіе годы) сталъ ослабѣвать. Борьба зайсановъ и димичей въ настоящіе годы не съ отдѣльными случаями обращенія въ христіанство, хотя и сіе случается, а вообще противъ русской цивилизаціи и русской колонизаціи, на сколько та и другая представляются имъ опасными для ихъ личныхъ интересовъ.

И такъ желательно:

1) Чтобы гражданская и полицейская власти фактически выразили свое сочувствіе къ воспріятію и усвоенію инородцами православной вѣры и русской народности, а на миссіи смотрѣли-бы какъ на первую содѣйственницу правительству въ дѣлѣ для него святомъ, а потому весьма важномъ.

На отношенія миссіонера къ общинѣ новокрещенныхъ нельзя смотрѣть, какъ на отношенія приходскаго священника къ его прихожанамъ. Въ русскомъ приходѣ права и обязанности членовъ общества и семья регламентированы; пастырю остается только нравственный надзоръ за исполненіемъ установленныхъ правилъ. Миссіонеру же приходится быть на первый разъ и организаторомъ новокрещенной общины и постояннымъ руководителемъ ея на христіанскихъ началахъ, истолкователемъ, или хотя переводчикомъ законовъ гражданскихъ. Все это даетъ ему обидные поводы къ объясненію, наученію по дѣламъ внѣшняго поведенія и духовнаго надзора за правами. Безъ этого внѣшательства въ дѣла внѣшняго поведенія не возможно оказывать благотворнаго вліянія на благоустроеніе общества, только что зарождающагося. Дѣло нравственнаго воспитанія христіанскихъ обществъ на первыхъ порахъ ихъ существованія, какъ показываютъ историческіе опыты, почти всегда совершалось при дѣятельномъ участіи церкви, породившей ихъ къ новой жизни. Тоже и на Алтаѣ. И это такъ естественно и необходимо, какъ тотъ законъ природы, чтобы воспитаніе дитяти въ первые дни и мѣсяцы его жизни принадлежало матери, а не отцу. По сему нравственное воспитаніе христіанскаго общества въ указанный періодъ его жизни для гражданской власти было-бы также ненормально, какъ отцу ненормально кормить ребенка и нянчиться съ нимъ. Проводимъ аналогію далѣе. Въ дѣтскую комнату, въ глазахъ матери, вторгаются не просенныя лица, лицѣди и шарлатаны, присутствіе которыхъ, даже на короткое время, приносить дѣтямъ нравственную гибель. Что дѣлать матери, въ виду такой опасности для дорогихъ ея сердцу, какъ непослѣдить къ отцу семейства, который имѣетъ власть и силу выпроводить незваныхъ гостей. Подобное бываетъ и съ новокрещенной христіанской общиной на Алтаѣ. Часто непрощенно нежданно являются въ среду новокрещенныхъ русскіе

эксплоататоры, виноторговцы и разные негодяи, нетерпимые даже въ русскихъ обществахъ, принося съ собой нравственную заразу въ неиспорченный организмъ этихъ младенцевъ вѣры и жизни общественной, — готовыхъ по простотѣ своей каждаго русскаго признать своимъ учителемъ. Что дѣлать воспитательницѣ ихъ — миссіи, какъ не обратиться съ словомъ о помощи къ гражданской власти, снабженной достаточными силами для надлежащей расправы съ такими пионерами, позорящими русское имя? По сему желательно, 2) чтобы таковымъ внѣшательствомъ миссіи въ дѣла внѣшняго поведенія гражданское начальство не смущалось и представленія миссіи о пущахъ, касающихся благоустроенія тѣхъ обществъ, не называло-бы внѣшательствомъ ея не въ свое дѣло.

Группированіе новокрещенныхъ въ сельскія общины, вызваннаго нравственно-религіозною потребностью быть въ тѣсномъ общеніи съ братьями по вѣрѣ, подъ близкимъ духовнымъ надзоромъ и руководствомъ пастыря — миссіонера, совершилось путемъ естественной постепенности. Запрещеніе или даже игнорированіе таковыхъ обществъ, съ выборными сельскими старшинами и печатами, со стороны гражданского начальства было-бы равно отярытому заявленію предъ языческими властями Алтая, что русское правительство отказывается принять въ единеніе съ собой крестившихся ихъ инородцевъ, къ которому тѣ стремятся и что оно обрушеніемъ ихъ вовсе не интересуется, чего конечно въ видахъ правительства нѣтъ и не можетъ быть. По сему 3) всѣ образовавшіяся доселѣ и имѣющія въ послѣдствіи образоваться селенія новокрещенныхъ инородцевъ въ Бійскомъ и Кузнецкомъ округахъ, съ сельскими старшинами, изъ среды новокрещенныхъ избираемыми и гражданской властію на три года утверждаемыми, должны получить силу законности. 4) Сельскія общества новокрещенныхъ инородцевъ, съ старшинами во главѣ, въ цѣлѣмъ своемъ составѣ не могутъ быть подчинены какому либо одному зайсану или башлыку, ибо въ составѣ таковыхъ обществъ входятъ инородцы всѣхъ волостей, по сему: а) ни одинъ зайсанъ не вправе отмѣнить рѣшеніе сельскаго общества новокрещенныхъ. Кассація такого рода рѣшеній должна быть предоставлена отдѣльному засѣдателю или Полицейскому Управленію, которые не должны передавать такого рода дѣла на разсмотрѣніе зайсановъ, для рѣшенія по народнымъ обычаямъ, какъ бывало доселѣ, а должны сами рѣшать или предоставлять коллективному обсужденію и рѣшенію старшинъ всѣхъ селеній, входящихъ въ составъ извѣстнаго отдѣленія миссіи, въ предѣлахъ котораго живетъ истецъ; б) сельскимъ обществамъ новокрещенныхъ инородцевъ должны быть предоставлены такія права, какими пользуются общества русскихъ селеній; в) въ дѣлахъ касающихся всей волости (раскладка и сборъ податей и повинностей, выборъ волостныхъ начальниковъ) каждый новокрещенный обязанъ подчиняться распоряженіямъ зайсана той волости, къ которой онъ принадлежалъ до крещенія; г) разбирательство тяжбныхъ дѣлъ между крещеными и некрещеными дѣлается зайсаномъ совмѣстно со старшиною и обществомъ того селенія, гдѣ живетъ новокрещенный. 5) Наслѣдственность и несмѣняемость зайсановъ должны быть замѣнены выборнымъ началомъ, какое введено у Кузнецкихъ инородцевъ или въ Киргизской степи. На должность зайсановъ и помощниковъ ихъ должны быть избираемы инородцы какъ крещенные, такъ и некрещенные безразлично. Но въ устраненіе антагонизма между тѣми и другими при выборахъ должна быть соблюдаема

очередь: на одно трехлѣтіе избирается на должность зайсана изъ новокрещенныхъ, на другое изъ некрещенныхъ. Если въ волости будетъ двѣ трети крещенныхъ, то зайсаны должны быть исключительно изъ крещенныхъ, а димичи могутъ быть и изъ некрещенныхъ, или же зайсанъ некрещенный, но димичи всѣ крещенные. Изъ двухъ кандидатовъ на зайсанство грамотному должно быть отдаваемо предпочтеніе, если только онъ совмѣщаетъ въ себѣ и другія качества, необходимыя для волостнаго начальника.

Е. М.

ИЗВѢСТІЯ И ЗАМѢТКИ.

ОТВѢТЪ НА БИБЛОГРАФИЧЕСКУЮ ЗАМѢТКУ ВЪ 12 № „МОСКОВСК. ЦЕРК. ВѢДОМОСТЕЙ“.

Покорѣйше просимъ гг. читателей «Моск. Церк. Вѣдом.» припомнить помѣщенную въ 12 № ихъ (223—224 стр.) библиографическую замѣтку на брошюру: «Печать Господа нашего І. Христа» и «Духовный Купецъ на духовномъ торжищѣ и о куплѣ на немъ царства небеснаго».

Познакомившись только на дняхъ съ этой замѣткой, составляющей критику на указанныя брошюры, написанныя нами, считаемъ долгомъ, хотя и недвоевременно, отвѣтить на нее.

Конечно, мы остались бы неизвѣстному автору указанной замѣтки благодарны, еслибы онъ указалъ въ своей критикѣ дѣйствительныя недостатки нашихъ брошюръ, дѣйствительно въ нихъ находящіяся, и отнесся къ своему дѣлу—суда надъ чужими мыслями—по долгу, совѣсти и справедливости—безпристрастно, какъ говорится и что необходимо требуется отъ критики; понятно, мы не только остались бы ему благодарны, еслибы онъ такъ отнесся къ своему дѣлу, но и несомнѣнно воспользовались бы его критическими замѣчаниями, какъ благоразумнымъ, продуманнымъ словомъ и всякаго другаго человѣка.

Но увы, нашъ критикъ—умышленно, или неумышленно—этого мы не знаемъ, но только къ сожалѣнію не исполнилъ этихъ совершенно законныхъ требованій въ отношеніи къ нашимъ брошюрамъ, въ отношеніи къ нимъ онъ обнаруживаетъ такіе критическіе приемы, которые совершенно чужды истинной критики—и въ замѣтѣ безпристрастнаго разсужденія—чего въ правѣ мы требовать отъ критика вообще, онъ преподноситъ читателямъ рядъ такихъ сужденій о нашихъ брошюрахъ, которыя не имѣя никакого основанія въ послѣднихъ разсматриваемыхъ правильно, представляются, какъ это ни странно плодомъ почти совершеннаго незнанія нашихъ брошюръ, разсматриваемыхъ имъ, или же слѣдствіемъ (происходящаго отъ задней, однако, не благопріятной намъ, мысли критика) выхватыванія извѣстныхъ выраженій безъ связи съ предъидущимъ и послѣдующимъ, даже, какъ увидимъ, съ нарочитымъ нарушеніемъ этой связи, только бы произвести эффектъ на читателя, а чтобы поддержать послѣдній онъ присоединяетъ, что де у насъ много подобнаго—и это, молъ, слабѣйшее...

Какая снисходительность!...

Прежде всего на какомъ основаніи критикъ на первыхъ же строкахъ своего остраго пера, не задумываясь, набрасываетъ на насъ предъ читателями мрачную тѣнь своимъ предположеніемъ, что мы выпустили наши брошюры съ претензіями на ученость. Не говоря уже о томъ, что разборъ стремленій, съ которыми тотъ, или другой авторъ издаетъ свою книгу—вовсе не дѣло критика, отъ котораго требуется только безпристрастный разборъ ея, не привнося чего-либо не высказаннаго самимъ авторомъ, мы однако спрашиваемъ его: гдѣ основанія того, что мы дѣйствительно съ честолюбивыми намѣреніями приступили къ своему дѣлу? По крайней мѣрѣ, нами не только ничего подобнаго не высказано, но мы и не могли даже высказать этого, ибо на все стремились отвѣчать изреченіями свят. отцевъ, позволяя себѣ только расположить эти изреченія по своему плану. Но отвѣчая ихъ изреченіями на избранный нами предметъ и назначая послѣдній, какъ показываетъ уже и самое названіе брошюръ для удов-

летворенія нравственно-религіозныхъ потребностей православныхъ христіанъ, всегда особенно любившихъ и продолжающихъ любить свято-отеческое ученіе—ужели всѣмъ этимъ мы претендуемъ на ученость «стремимся выпустить книжку?» Не странно-ли претендовать на ученость въ рѣшеніи такихъ вопросовъ, которые давно рѣшены, какъ нельзя лучше, свѣтилами церкви, такъ что остается только для популяризаціи этихъ отвѣтовъ въ виду огражденія вѣры простыхъ сердець отъ соблазновъ представить ихъ по возможности въ системѣ—на что мы и осмѣлились въ нашихъ брошюрахъ.

Совсѣмъ иначе представляется это дѣло подъ перомъ нашего критика: онъ представляетъ его плодомъ нашего честолюбія и претензій на ученость; наше доброе намѣреніе однимъ взмахомъ своего жестокаго пера онъ низводитъ на степень честолюбія... Но что же дѣлать?... Богъ терпѣлъ и намъ велѣлъ. Что отвѣтить намъ на всѣ такія разсужденія, смыслъ которыхъ, можно сказать, слѣдующій: читай, читай, монахъ въ тишинѣ своей келліи для себя сколько угодно—мы это хвалимъ, «нельзя не порадоваться», но только—Боже тебя сохрани—не показывай носа съ своими вычитанными спутниками въ житейскій міръ: это, видишь ли честолюбиво, не хорошо «претензіи на ученость».

Дѣйствительно, критикъ—спасибо ему—не позабылъ и похвалить насъ. За наши брошюры онъ воздаетъ хвалу не только намъ («неудачному» автору ихъ), но и всему монашеству: «нельзя, конечно, не порадоваться, пишетъ онъ, что монашествующіе, у которыхъ предполагается досуговъ болѣе, чѣмъ у кого либо изъ другихъ служебныхъ лицъ находятъ себѣ соответствующее занятіе въ чтеніи слова Божія и твореній св. отцевъ». Благодаря его за похвалу, которая, быть можетъ вырвалась изъ устъ его, какъ у древняго Ваалама благословеніе на израильтянъ (Чис. 23 гл.), благодаря его, считаемъ нужнымъ сдѣлать нѣкоторыя замѣчанія по поводу ея. Именно: критикъ знаетъ, что монахи не въ примѣръ болѣе прочихъ смертныхъ располагаютъ свободнымъ временемъ... Конечно, этого не можетъ сказать человѣкъ по собственному опыту, относясь къ своимъ обязанностямъ, какъ слѣдуетъ. Во всякомъ случаѣ взглядъ его на монашество, если можно такъ выразиться, модный и критикъ видно, такъ сказать не изъ отсталыхъ. Но еслибы онъ взглянулъ на дѣло поглубже, то увидѣлъ бы, что у этихъ монашествующихъ, у которыхъ по его представленіямъ «предполагается досуговъ болѣе чѣмъ у другихъ служебныхъ лицъ», т. е. иначе говоря, которые по его представленіямъ менѣе всѣхъ прочихъ служебныхъ лицъ трудятся на самомъ дѣлѣ имѣютъ свободнаго времени гораздо менѣе, чѣмъ сколько подсказала нашему критику его фантазія, полеты которой не рѣдко сказываются въ его критикѣ.

Далѣе, критикъ относительно обѣихъ брошюръ говоритъ, что «трудно уловить ихъ цѣль». Для немѣющаго ни слуха, ни зрѣнія, пожалуй, такъ, но для слышащаго и видащаго ихъ цѣль понятна какъ дважды два четыре.

Въ «Печати Госп.» не далѣе, какъ на третьей стр., т. е. въ самомъ заглавіи, кажется, ясно указывается эта цѣль—представить отеческое ученіе о крестѣ, его силѣ и пользѣ—чего мы и стараемся достигнуть, указывая ученіе объ этомъ «нѣкоторыхъ святыхъ», слѣдовательно имѣли цѣль нравственно-религіозную—вселить въ читателя должное благоговѣніе и страхъ ко кресту Христову, какъ печати христіанина—чрезъ познаніе его силы по ученію отцевъ церкви. Въ «Дух. Куп.» послѣ разсужденія о куплѣ вообще на первыхъ трехъ страи., на 4 переходимъ къ духовной куплѣ и опредѣливъ ее (5 стр.) словами св. Іоан. Злат., которыми онъ объясняетъ выраженіе Спасителя: «дѣлайте не брашно гнѣблющее»... (Іоан. 6. 27), опредѣливъ, какъ «дѣланіе спасенія», мы въ слѣдующихъ приводимыхъ выраженіяхъ отцевъ, указывая на значеніе этой купли, этимъ уже выражаемъ и цѣль брошюры, каковая очевидна и сама по себѣ, какъ и всякой брошюры религіозно-нравственнаго содержанія: «научимся приобретать стяжанія, которыя у насъ останутся навсегда»—вотъ приведенное нами на ряду съ другими выраженіемъ Макарія Египет. (5 стр.), указывающее на цѣль, которую мы стремимся вложить въ читателя ея.

Что же касается дальнѣйшихъ замѣчаній критика, что «результаты нашего труда не блестящи» что «дѣло не оправдываетъ

положеннаго труда» что мы не даемъ новаго разъясненія вопроса, то отвѣчаемъ, что мы и не стремились своими письменными трудами къ блеску міра сего, если критикъ разумѣтъ его въ первомъ случаѣ; этого блеска въ нихъ нѣтъ: здѣсь сияютъ только изреченія св. отцевъ, чтобы при свѣтѣ ихъ поражались и исчезали темные враги креста Христова, какой блескъ намъ и дорогъ; во второмъ случаѣ критикъ къ сожалѣнію не выяснилъ, что разумѣтъ онъ подъ оправданіемъ нашего труда: матеріальнаго оправданія мы не имѣли и не имѣемъ въ виду, а желаемъ только того оправданія, которое обѣщаетъ Господь нашъ Іисусъ Христосъ всѣмъ труждающимся; въ третьемъ, что мы не даемъ новаго разъясненія вопроса, отвѣчаемъ: такъ какъ православная церковь не измѣняетъ содержимыхъ ею истинъ, и въ этомъ смыслѣ имѣетъ у себя все старое и русскій народъ любитъ въ ней все, то мы и не предполагали, что найдутся люди съ желаніемъ древнихъ аѳинянъ, которые «въ томъ только и проводили время, что говорили или слушали что-нибудь новое» (Дѣян. XVII. 21), а посему мы и не имѣли въ виду никакого новаго разъясненія—это во-первыхъ, а во-вторыхъ—да какъ бы мы и осмѣлились разъяснять то, что давно разъяснено свѣтилами церкви; мы только собрали—сколько намъ Богъ помогъ—готовое, древнее, полагая въ основаніе древнее, изреченіе—изреченіе Самого Спасителя: «куплю дѣйте дондеже прииду» (Лук. 19. 13), и на вопросъ какую? отвѣчая еще древнѣйшимъ изреченіемъ пр. Давіида: «и грѣхи твоя милостынями искупити и неправды твоя щедротами убогихъ» (Дан. 4. 24); все это, понятное, не новое, какъ и изреченія святыхъ отцевъ, приведенныя нами.

Въ частности критикъ обвиняетъ насъ въ томъ, что у насъ «весьма много выписокъ неопредѣленныхъ, сдѣланныхъ только ради того, что въ нихъ употребляются слова: купля, купить, купецъ и т. д.» и для примѣра указываетъ на 94 и 98 стр. Далеко не ради того, какъ вздумалось сказать нашему критику, отвѣчаемъ мы, но для большаго уясненія и доказательства одной и той же мысли, составляющей, можно сказать, душу всей нашей книги, что всякій христіанинъ призывается и долженъ быть духовнымъ купцомъ и творить, заповѣданную І. Христомъ, духовную куплю и чтобы изреченія Святыхъ Отцевъ, во множествѣ приведенныя, именно объ одной и той же мысли болѣе и болѣе напечатлѣвались въ читателяхъ и какъ отъ частаго паданія капель воды пробивается камень, углублялись въ сердца ихъ, такъ чтобы въ упованіи на милость Божию могли говорить со Апостоломъ: «тѣмъ же убо и мы толикъ имуще облажащъ насъ облакъ свидѣтелей гордость всяку отложше и удобѣ обстоятельный грѣхъ, терпѣніемъ да течемъ на предлежащій намъ подвигъ» (Евр. XII, 1) — вотъ для чего приводимъ мы всѣ изреченія. Что же касается ссылки критика на вышеуказанныя страницы, то въ нихъ положительно ничего нѣтъ доказывающаго высказанное имъ, что у насъ много выписокъ неопредѣленныхъ и т. д. къ доказательству чего мы и обращаемся. Разъяснивъ въ предыдущемъ, что такое духовная купля и духовный купецъ, мы указываемъ (92 стр. 157 рубр.) въ 157 рубр. на апостоловъ, какъ на первыхъ духовныхъ купцовъ и подтвердивъ это выраженіями отцевъ въ слѣдующей рубр. на основаніи опять отеческихъ изреченій прилагаемъ это названіе къ ихъ пресмникамъ и поэтому на слѣд. 94 стр. (на которую указываетъ критикъ на образецъ неопредѣленности) прилагаемъ это названіе и къ іереямъ и въ доказательство приводимъ выраженіе Кормчей и Ефр. Сир.: «Всякъ іерей есть и долженъ быть купецъ». Какъ видимъ, употребленное въ такой связи приведенное выраженіе не представляетъ ничего неопредѣленнаго—и только подъ перомъ нашего критика оно является однимъ «изъ весьма многихъ сдѣланныхъ только ради того, что въ нихъ употребляются слова: купля, купецъ и т. д.» Очевидно, критикъ самъ сдѣлалъ это выраженіе неопредѣленнымъ, а для чего, или почему—это ему извѣстно. Не видимъ ли отсюда, что нашъ критикъ или слишкомъ мало знакомъ съ разбираемыми имъ брошюрами, такъ что находить неопредѣленное тамъ, гдѣ, если бы онъ обратилъ вниманіе на выше и рядомъ сказанное (93 стр.) никакъ не могло бы быть ничего неопредѣленнаго, а если и знакомъ съ ними, то почему-то находить нужнымъ выхватить выраженіе, получающее свой смыслъ только въ связи съ предыдущимъ и послѣдующимъ. Насколько внимателенъ въ данномъ случаѣ нашъ критикъ въ отношеніи къ нашимъ брошюрамъ, и къ своей задачѣ выска-

зать истинное и здоровое слово о нихъ предъ читателями—это очевидно.

Такое же непростительное для критика невниманіе къ своему дѣлу сквозитъ и въ слѣдующихъ его замѣчаніяхъ. Именно, онъ говоритъ: «странно приводить рядомъ съ изреченіями св. Спиридона тримиф. слова графини А. Орловой». Читая это замѣчаніе, мы положительно и основательно недоумѣваемъ—читалъ ли критикъ нашу брошюру, ибо въ данномъ мѣстѣ ничего нѣтъ страннаго, что очевидно не только для насъ, но и для всякаго читателя.

Дѣло въ томъ, что развивая (59 стр. 110 рубр.) взглядъ великихъ подвижниковъ, какъ первыхъ духовныхъ купцовъ на богатство, чтобы показать, что «бѣдность не препятствуетъ покупать царство небесное» (Дух. куп. 62 стр. 115 рубр.), мы показываемъ, что «они, подвижники, богатство міра не вмѣняли ни во что и называли его навозомъ и другими унижительными именами». Въ доказательство приводимъ факты изъ жизни и дѣяній нерусскихъ святыхъ и послѣ ссылки на Спиридона тримиф. (въ 112 рубр.) въ 113 рубр. говоримъ, что «подобные безпристрастные цѣнители богатства житейскаго были и на нашей Руси» и приводимъ въ примѣръ обращенныя къ гр. Орловой слова извѣстнаго своею подвижническою жизнію схіером. Паренія кievск., въ которыхъ онъ богатство называетъ навозомъ, а не слова гр. Орловой, которыя, если мы и приводимъ, то, какъ очевидно для всякаго, вовсе не въ доказательство нашей мысли, а для того только, чтобы съ большею подробностію передать слова схіером. Паренія, которыя намъ и нужны были въ доказательство того, что «подвижники называли богатство навозомъ».

Отчего же спрашивается, все это иначе, чѣмъ слѣдуетъ представляется подъ перомъ нашего критика, чѣмъ это объяснить? одно изъ двухъ: или критикъ не потрудился прочесть сосѣднюю страницу (59—60), или же, прочитавши, выхватилъ приведенное мѣсто безъ всякой связи: очевидно, ни тотъ, ни другой приемы совсѣмъ не критическіе и не рекомендуютъ нашего критика.

Но еще болѣе не рекомендуетъ его обвиненіе насъ за то, что мы ссылаемся на Петра Дамаскина. «Сколько намъ извѣстно, пишетъ критикъ, Петръ Дамаскинъ принадлежить къ числу авторовъ, на которыхъ любятъ ссылаться наши раскольники въ доказательство двуперстія, но церковь не знаетъ такого священномученика и потому не считаетъ доказательными ссылки на него раскольниковъ»...

Очевидно, этимъ замѣчаніемъ критикъ думаетъ наложить на наши труды какъ бы печать раскола, показать, что и наши ссылки на Петра Дамаскина какъ одного изъ авторовъ «на которыхъ любятъ ссылаться наши раскольники» не имѣютъ доказательности: но копая яму другому, критикъ не попадаетъ ли въ нее самъ. Именно: напрасно онъ думаетъ, что мы ходимъ на излюбленный раскольниками колодець, котораго мы не знали и не знаемъ, напрасно навѣваетъ раскольническій духъ на наши труды. То правда, что мы пользуемся изреченіями святаго священномуч. Петра Дамаскина, но, какъ увидимъ, вѣрно и то, что онъ мужъ святой, прославленный церковію и никто еще не исключалъ его изъ лика святыхъ. Мы удивляемся прежде всего утвержденію критика, что на Петра Дамаскина любятъ ссылаться раскольники въ доказательство двуперстія: насколько намъ извѣстно, *раскольникамъ тамъ рѣшительно нечего взять, потому что въ ней ни о двуперстіи, ни о треперстіи нѣтъ и намека.*

Удивляемся еще болѣе, когда онъ продолжаетъ, что церковь не знаетъ такого священномученика и т. д. Мало же извѣстно нашему критику и напрасно онъ, повторяемъ, думаетъ положить клеймо раскола на наши труды; нужно бы было прежде думать, а потомъ и говорить и не слѣдовало бы замахваваться перомъ какъ топоромъ. Мы утверждаемъ, что какъ русская, такъ и греческая церковь знаютъ такого священномученика. Такъ, у преосв. Филарета въ Истории. уч. объ отцахъ церкви онъ называется блаженнымъ; по его указанію, онъ значится въ древнемъ славянскомъ мѣсяцесловѣ, празднованіе памяти его отнесено къ 9 февраля; въ полномъ мѣсяцесловѣ архимандрита Сергія онъ называется священномученикомъ; въ греческомъ Синаксарникѣ, находящемся въ синодальной бібліотекѣ за № 390 (12 в.) именуется священномученикомъ; въ книгѣ «Добротолюбіе», переведенной съ эллино-греческаго на славянскій языкъ и напечатанной

въ Москвѣ въ синод. тип. 1793 г. онъ называется преподобнымъ и священномученикомъ: «книга преподобнаго и богоноснаго отца нашего, священномученика Петра Дамаскина» говорится тамъ; на его же книгѣ, переведенной съ эллино-греч. на русскій и дозволенной цензурою, говорится: «творенія преподобнаго и богоноснаго отца нашего священномученика Петра Дамаскина» (1874 г.); «на основаніи всѣхъ свѣдѣній, имѣющихся о свят. Петрѣ Дамаск., писателѣ предлагаемой нынѣ въ рускомъ переводѣ книги можно съ достовѣрностію сказать, что онъ былъ инокъ, удостоенный священнаго сана и впоследствии мученикъ, время, въ какое онъ жилъ неизвѣстно достовѣрно, но достовѣрно то, что память его какъ по греческому синаксарнику, такъ и древнему славянскому мѣсяцеслову, упоминаемому преосв. Филаретомъ, полагается 9 февр.» (Твор. пр. и богоп. о. и свмч П. Д. предисловіе). Слѣдовательно, не церковь не знаетъ этого священномученика, а нашъ критикъ, которому и непростительно свое собственное незнаніе сваливать на церковь, какъ и вообще нечестно свою вину сваливать на другаго... Вотъ со всѣми этими свѣдѣніями о св. Петрѣ Дамаскинѣ мы и совѣтовали-бы познакомиться критику прежде чѣмъ развѣдывать, любить, или не любить ссылаться на него раскольники и порицать насъ за ссылки на него, не прочитавши его твореній.

Переходимъ къ удивленію критика нашему, по его мнѣнію, странному разсужденію о положеніи перстовъ въ крестномъ знаменіи съ чела на чрево. И прежде всего замѣчаемъ, что гораздо страннѣе его данное разсужденіе. Ибо наше разсужденіе, показавшее критику странное, не должно-бы было во всякомъ случаѣ удивлять его, какъ православнаго христіанина, ибо оно основано нами не на объясненіи крестнаго знаменія ученымъ грекомъ Христофоромъ Ангеломъ, какъ представляетъ это критикъ, а на томъ древнемъ ученіи о немъ, какое находится въ псалтири и часословѣ, а такъ же и въ сл. Св. Иоанна Златоуста о страхѣ Божіемъ. Но критикъ опускаетъ все это, стоящее выше, гдѣ не только объясняется, но и заповѣдуются полагать персты съ чела на чрево, гдѣ «по древнему св. Апостолъ и св. отецъ преданію повелѣвается полагать персты руки: первое на челѣ нашемъ, его-же касается вышній рогъ креста: второе на чревѣ нашемъ» и т. д. (Печать Господа, 25 стр. Час. и Пс. печ. Моск. Спб.). Это повелѣніе такъ, а не иначе знаменоваться, какъ и объясненіе этого знаменія, какъ видимъ, не новое, но древнее, и не одного Христофора Ангела, но и всей вселенской церкви. «Аще праведно есть предъ Богомъ» васъ, г. критикъ, удивляющагося этому «послушати паче вселенскія церкви «судите»... При этомъ неизвинительно для критика, опустивъ предыдущее, прямо обратиться къ изреченію Христофора Ангела и видѣть въ немъ основаніе нашего разсужденія, а не тамъ, гдѣ оно есть дѣйствительно и указано нами.

Что касается, наконецъ, опредѣленія таланта, въ какомъ видѣ его привелъ критикъ, то на это выхваченное выраженіе не слѣдовало-бы и отвѣчать, но чтобы вывести изъ сомнѣнія читателей, мы говоримъ, что критикъ, скрывъ отъ читателей сущность, высказанную нами выше (17 стр. 40 рубр.) прямо приводитъ имъ только продолженіе (41 рубр.), понятно, теряющее свой смыслъ безъ нея, а затѣмъ присоединяетъ, что «если здѣсь и есть мысль, то она обезображена, затемнена безграмотностію автора» но спрашивается: *ктоже ее затемнилъ, если не самъ критикъ*, привелъ почему-то прямо продолженіе ея безъ начала, для чего онъ уничтожаетъ и союзъ *также*, чтобы придать приведенной и выхваченной имъ части самостоятельное значеніе. Но если, какъ говорить критикъ мысль здѣсь обезображена нашею безграмотностію, то почему-же онъ не раскрылъ ея, почему не обнаружилъ безграмотности нашей и не освѣтилъ свѣтомъ грамотности своей, безъ чего совершенно непонятно, въ чемъ заключается наша безграмотность въ данномъ случаѣ и безъ чего *голословность критика подобна сказавшему*: въ этомъ судяку можетъ быть и есть золото, но онъ закрыть крышкою и запереть, а ключа нѣтъ отпереть его.

Иеромонахъ Іоакимъ

ПО ПОВОДУ ОТВѢТА ІЕРОМОНАХА ІОАКИМА НА БИБЛИОГРАФИЧ. ЗАМѢТКУ ВЪ 12 № МОСК. ЦЕРК. ВЪДОМ.

Отвѣтъ іеромонаха на нашу библиографическую замѣтку о его брошюрахъ: «Духовный Купецъ» и «Печать Господа нашего Иисуса Христа», если исключить изъ него трескучія, но малозначущія, фразы, представляетъ въ своемъ содержаніи мало серьезнаго и служить скорѣе цѣлямъ противоположнымъ, чѣмъ тѣмъ, какія имѣлись въ виду при его написаніи іеромон. Іоакимомъ. Посему, не вдаваясь въ бесплодную и пространную полемику съ о. Іоакимомъ, мы ограничимся выясненіемъ только тѣхъ сторонъ его отвѣта, которыя болѣе важны.

Прежде всего считаемъ себя въ правѣ упрекнуть о. Іоакима въ крайней по отношенію къ намъ недобросовѣстности, рѣзко противорѣчащей притомъ его собственнымъ патетическимъ разсужденіямъ о долгѣ, совѣсти, безпристрастіи и т. д. О. Іоакимъ почему-то думаетъ, что наша похвала монашеству вырвалась у насъ неволью, подобно невольному благословенію израильтянъ древнимъ Валаамомъ, слѣдовательно неискренняя и какъ бы не принадлежитъ собственно намъ. Основанія для этого въ нашей замѣткѣ нѣтъ никакого: слова наши въ ней такъ просты и ясны, что объясненіе ихъ о. Іоакимомъ положительно нелѣпо. Не довольствуясь этимъ, далѣе о. Іоакимъ не стѣсняется заявить, что взглядъ нашъ на монашество «модный» и что «критикъ видно, такъ сказать не изъ отсталыхъ» (сохраняемъ пунктуацию подлинника). Спрашиваемъ: что въ нашей замѣткѣ дало поводъ къ такимъ черезъ-чуръ поспѣшнымъ и недобросовѣстнымъ заключеніямъ? Гдѣ мы высказали свой *модный* взглядъ на монашество и что значитъ этотъ эпитетъ «не изъ отсталыхъ»? Неужели только наши слова, что у монашествующихъ (не говоримъ, конечно, о монашествѣ ученомъ и іерархахъ) досуговъ болѣе, чѣмъ у другихъ служебныхъ лицъ, и что эти досуги употребляются на соответствующія занятія, — чтеніе слова Божія и твореній св. отцевъ? Если такъ, то мы рѣшительно не можемъ понять, какимъ путемъ дошелъ о. Іоакимъ до заключенія, что въ этихъ словахъ высказанъ *модный* взглядъ на монашество и что мы *не изъ отсталыхъ*. Притомъ, что послѣ исправленія обычныхъ должностныхъ обязанностей у монастырской братіи дѣйствительно остается еще много времени для свободныхъ келейныхъ занятій, это убѣдительно въ всякихъ словъ доказываетъ самъ о. Іоакимъ своими брошюрами: развѣ мало нужно времени для того, чтобы проштудировать писанія болѣе ста (приблизительно) св. мужей и другія сочиненія, компіляціи изъ которыхъ встрѣчаются въ брошюрахъ о. Іоакима, сдѣлать выписки изъ нихъ и расположить ихъ въ извѣстномъ порядкѣ? Мы какъ прежде, такъ и теперь, удивляемся этому по истинѣ громадному труду, предпринять который можетъ только человекъ досужный, ибо, какъ, вѣроятно, сознается и самъ о. Іоакимъ, брошюры его не вызваны необходимостью или настоятельною нуждою. Итакъ, обвиненіе насъ о. Іоакимомъ въ какомъ-то модномъ взглядѣ совершенно не имѣетъ даже повода, не только — основаній, въ нашихъ словахъ и представляетъ не что иное, какъ злостное стремленіе донять насъ, какъ говорится, не мытьемъ, такъ катаньемъ; затронутый лично въ качествѣ автора, о. Іоакимъ желаетъ выставить насъ чуть не отрицателемъ монашества вообще, желаетъ, кажется, не узнавъ нашихъ взглядовъ, набросить однако на нихъ тѣнь нѣкоторой «неблагонадежности». Дѣло легкое, но, — повторяемъ, — недобросовѣстное; гдѣ-же наставленіе «не замахвайся перомъ какъ топоромъ»?...

Перейдемъ еще къ одному тяжкому обвиненію насъ со стороны о. Іоакима, имѣющему уже интересъ научный. Въ своей замѣткѣ о брошюрахъ мы не одобряемъ пользованія іеромонаха Іоакима сочиненіями Петра Дамаскина, какъ писателя, излюбленнаго раскольниками, и не имѣющаго авторитета святости. О. Іоакимъ удивляется нашему утвержденію, что раскольники любятъ ссылаться на Петра Дамаскина въ доказательство двуперстія и не признаютъ возможности такихъ ссылокъ «потому что, говоритъ онъ, въ ней (въ чемъ?) ни о двуперстіи ни о троеперстіи нѣтъ и намека». — Справедливо, что сочиненія Петра Дамаскина не могутъ дать раскольникамъ никакихъ доказательствъ въ пользу двуперстія и на это указывали и указываютъ всѣ православные противураскольнические полемисты (преосвящ. Никифоръ Θεοτοκίης, Θεοφίλ. Λοπάτ. и др.), однако ссылки-то существуютъ. Главные

учители раскола, писанія которыхъ стали, такъ сказать, классическими у современныхъ глаголемыхъ старообрядцевъ, всегда въ свѣдѣтели законности и древности двуперстія привлекали вмѣстѣ съ Мелетіемъ, Θεодоритомъ и др. и Петра Дамаскина. «Древле-греческій святой Петръ Дамаскинъ, — говорили они, — начертаніи креста сице научаетъ: яко два перста убо и едина рука являютъ распятаго Господа нашего Иисуса Христа во двою естеству и единомъ составѣ познаваема» (см. Керженск. отв. 1, ст. 2; отв. 4, ст. 1, свид. 5; Помор. отв. 5, свид. 5; Челоб. Ник., матеріалы для ист. р. раскола 7. IV, стр. 74; Челоб. Авраамія, л. 46, 36 на об. и. 54 на об.); «и почему разумно есть, что двѣма же персты достоитъ знаменоватися» (Матер. т. IV, 74 стр.). Помимо указанныхъ, существуетъ и много другихъ раскольническихъ ссылокъ (см. Матер. т. III, стр. 168, 229; т. IV, стр. 212, 271; т. V, 256 стр.; т. VI, стр. 4, 37, 53, 162 и др.). Итакъ, ссылки раскольниковъ на Петра Дамаскина относительно двуперстія — фактъ неоспоримый. Теперь вопросъ въ томъ: Петръ Дамаскинъ, съ именемъ котораго имѣются у насъ нѣкоторыя сочиненія, признанный-ли Церковію (священномученикъ), или-нѣтъ? Разсматривая доказательства о. Іоакима въ пользу утвердительнаго рѣшенія этого вопроса, мы видимъ, что они доказываютъ совсѣмъ не то, что нужно было доказать о. Іоакиму. Дѣйствительно, Церковь воспоминаетъ 9 февраля св. священномученика Петра Дамаскина; но этотъ св. Петръ Дамаскинъ вовсе не одно лицо съ тѣмъ Петромъ Дамаскинымъ, послѣ котораго имѣются сочиненія. Указанный въ греческомъ синаксарѣ XII в. и въ мѣсяцесловѣ архим. Сергія св. Петръ былъ епископомъ Дамаскимъ и убитъ арабами въ 743 г. (Полн. Мѣсяцесловъ Востока, архим. Сергія, т. II, стр. 35), Петръ же Дамаскинъ — писатель жилъ несомнѣнно позже (въ XII в.), былъ простымъ монахомъ и къ лику святыхъ не причисленъ. Подробныя свѣдѣнія о послѣднемъ Петрѣ Дамаск. мы находимъ въ книгѣ Григорія, Архiep. Казанскаго: «Истинно древняя и истинно-православная Христова Церковь. Часть 1. Изд. 3. Спб. 1856 г.» и въ изслѣдованіи архим. Никанора (нынѣ преосвященнаго Одесскаго): «О перстосложеніи для крестнаго знаменія и благословенія въ обличіе неправды старообрядцевъ» (Прав. Собесѣдн. 1869 г., ч. 1, стр. 218—219). Преосвященный Григорій, указавъ раскольникамъ на то, что ссылки ихъ на слова П. Дамаскина о двуперстіи несостоятельны, ибо тамъ «не говорится надлежащимъ образомъ ни о нашемъ перстосложеніи для крестнаго знаменія, ни о вашемъ» (т. е. раскольническомъ), прибавляетъ далѣе: «кромѣ сего должно замѣтить, что Петръ Дамаскинъ а) не есть мужъ святой, какъ называютъ его ваши наставники; Св. Церковь никогда не признавала его святымъ. б) Онъ былъ простой монахъ, а не учитель Церкви. в) Онъ не древній писатель, какимъ, для доставленія его словамъ большой важности, выдавали его ваши наставники, поставляя его свидѣтельство выше свидѣтельства даже св. Мелетія, патриарха Антиохійскаго, жившаго въ четвертомъ вѣкѣ. Онъ былъ писатель уже двенадцатаго вѣка» (стр. 57). Въ названномъ выше изслѣдованіи архимандрита Никанора мы читаемъ слѣдующее: «Напрасно составители Поморскихъ отвѣтовъ, для усиленія важности свидѣтельства, величаютъ Петра Дамаскина *древне-греческимъ святымъ*. Его сочиненіе писано имъ около 6665—1157 года. Къ лику святыхъ Церковь никогда его не причисляла, онъ былъ простой монахъ, въ исторіи Церкви ничѣмъ замѣтательнымъ неизвѣстный». Въ примѣчаніи къ приведеннымъ словамъ архимандрита Никанора мы находимъ и объясненіе того, почему въ книгѣ Добротолюбіе, изд. въ Москвѣ въ 1793 г. (въ ней помѣщены между прочими и сочиненія Петра Дамаскина), на которую также указываетъ іеромонахъ Іоакимъ, Петръ Дамаскинъ, какъ авторъ помѣщенныхъ сочиненій, называется св. Священномученикомъ; это произошло вслѣдствіе того, что авторъ Добротолюбія неправильно смѣшиваетъ Петра Дамаскина съ Петромъ митрополитомъ Дамаскимъ, современникомъ Іоанна Дамаскина. Частыя ссылки въ сочиненіяхъ Петра Дамаскина на сочиненія св. Іоанна Дамаскина и на церковныя общеизвѣстныя пѣсни, написанныя послѣ него (т. е. Іоан. Дамаск.), показываютъ такъ же, что Петръ Дамаскинъ не могъ быть современникомъ Іоанна. Такимъ образомъ ясно, что о. Іоакимъ, введенный въ заблужденіе сходствомъ именъ, пользуется при составленіи своей брошюры

о крестномъ знаменіи сочиненіями простаго монаха Петра Дамаскина, жившаго въ XII вѣкѣ и къ лику святыхъ не причисленнаго, а приписываетъ написаніе этихъ сочиненій св. Петру, епископу Дамаска, жившему въ VIII в., но не оставившему послѣ себя никакихъ сочиненій. Предоставляетъ читателю судить теперь о многознаніи о. Іоакима.

Ко всему сказанному не лишне присоединить, что, коснувшись въ своей библиографической замѣткѣ Петра Дамаскина и компіляции изъ его сочиненія іеромонахомъ Іоакимомъ мы вовсе не хотѣли «наложить на труды» послѣдняго «печать раскола» и не думали, что онъ «ходитъ на излюбленный раскольниками колодець» (вѣроятно: *колодець?*); наша мысль, по краткости замѣтки не высказанная опредѣленно, заключалась въ томъ, что не слѣдуетъ ссылаться на писателя, котораго и личность и сочиненія возбуждаютъ сомнѣнія и подають поводъ къ пререканіямъ, не слѣдуетъ ссылаться автору, предпринявшему изложить ученіе о крестномъ знаменіи отцевъ церкви. Впрочемъ, въ этомъ извиняетъ о. Іоакима, какъ видно изъ предыдущаго, его невольное заблужденіе относительно истиннаго автора бывшихъ у него подъ руками произведеній Петра Дамаскина.

Что касается преній съ нами іеромонаха Іоакима о положеніи перстовъ въ крестномъ знаменіи съ чела на чрево, то считаемъ этотъ вопросъ не настолько важнымъ, чтобы за нѣсколько иное, чѣмъ у о. Іоакима, рѣшеніе его выслушать такое страшное воззваніе: «Аще праведно есть предъ Богомъ васъ, г. критикъ, послушати паче вселенскія церкви — судите». Съ своей стороны мы послѣ этого можемъ сказать о Іоакиму: «если справедливо, что васъ нужно слушать болѣе, чѣмъ голосъ Святейшаго Синода, то введите во всѣ школы Россійской имперіи вмѣсто существующихъ учебниковъ по Закону Божію свою брошюру, такъ какъ теперь во всѣхъ допущенныхъ и одобренныхъ учебникахъ въ положеніи перстовъ учатъ не такъ, какъ вы». Но мы не думали обвинять о. Іоакима въ противорѣчій съ вселенскою Церковію, равно какъ и онъ сдѣлать этого не можетъ: очевидно наша русская Церковь въ лицѣ Святейшаго Синода держится того мнѣнія, что сила и значеніе крестнаго знаменія не утрачиваются отъ того, кладутся ли персты съ чела на чрево или перси (грудь), и допускается, не смотря на Псалтирь съ Часословомъ, положеніе перстовъ на грудь во освященіе чувства. Посему ужасное восклицаніе о. Іоакима считаемъ излишнимъ и къ себѣ не приложимымъ. Еще нѣсколько словъ о цѣли трудовъ о. Іоакима. Въ разсужденіяхъ объ этомъ онъ насъ не понялъ и поднялъ шумъ совершенно напрасно. Его субъективныя цѣли, по которымъ предприняты имъ извѣстные уже его труды, мы не касались и не касаемся, — онъ могутъ быть различны; а говорили о цѣли, которую оправдывало бы существованіе его брошюры. Мысль о. Іоакима, что въ его брошюрахъ дается систематизація святоотеческаго ученія о достиженіи царства небеснаго и о крестномъ знаменіи, очень смѣла; у него, говоря правду, не систематизація ученія, а нумерація, каталогъ выписокъ изъ сочиненій св. Отцевъ, о чемъ говорить впрочемъ и самъ о. Іоакимъ («мы только собрали...») Вслѣдствіе этого, какъ мы сказали и прежде, его брошюры не особенно удобны для простаго религиозно-нравственнаго чтенія.

Остальные пункты полемики іеромонаха Іоакима не заслуживаютъ того, чтобы о нихъ распространяться. Сдѣлаемъ лишь краткое резюме, основанія для котораго даетъ самый отвѣтъ о. Іоакима на нашу замѣтку: 1) о. Іоакимъ намѣренъ былъ въ немъ отстранить отъ себя малѣйшее подозрѣніе въ претензіи на ученость и въ существованіи у него авторскаго самолюбія, однако въ томъ-же отвѣтѣ онъ то и дѣло старается поучить насъ (да и не однихъ насъ) и за свою авторскую правоспособность вступается горячо. 2) Хотѣлъ о. Іоакимъ увѣрить читателей въ своемъ смиреніи и терпѣніи («Богъ терпѣлъ и вамъ велѣлъ») хотѣлъ и намъ дать наставленіе о долгѣ, безпристрастіи, однако выказалъ только самый крайній задоръ, стараясь раздуть каждое наше выраженіе чуть не до степени криминала; такъ, напр., онъ дѣлаетъ вольный переводъ нашихъ словъ по поводу его авторства: «читай, читай, монахъ въ тишинѣ своей келліи» и т. д. Очень ужъ вольно!...